

ВЕНЕЦ УДЬИ

New York Bestselling Author

БЕРТРИС СМОЛЛ

Мир Хетара

Бертрис Смолл

Венец судьбы

«Центрполиграф»

2010

Смолл Б.

Венец судьбы / Б. Смолл — «Центрполиграф», 2010 — (Мир Хетара)

Прошло сто лет с тех пор, как фея Лара последний раз спасла мир Хетара от Тьмы. Ее молодость и красота вечны. Однако прошедшие годы унесли много ее друзей и родных. Ее влияние ослабевает. Тех, кто помнит ее подвиги, остается все меньше. Уже и ее правнук Кадарн, доминус Теры, отрицает магию. И все это время сын Лары, очаровательный, но гнусный Повелитель Сумерек Колгрим, терпеливо ждет своего часа. Но он не повторит ошибку своего отца, который развязал войну. Его путь более коварный и зловещий. Несмотря на свои могущественные силы, Лара боится, что мало что может сделать. Но пока не все потеряно, она будет пытаться выполнить древнее пророчество своей дочери Ануш и объединить весь мир Хетара. По мере того как Тьма наступает, Лара все больше и больше понимает, что нуждается в мудрости, любви и поддержке великого принца-тени Калига. И в главном испытании Лара и Калиг вместе на конец встретят предсказанную ей судьбу.

© Смолл Б., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Бертрис Смолл

Венец судьбы

*Отныне больше нет Хетара.
Волшебный сказ закончен мой.
В мир магии врата закрыты –
Хетар был покорен судьбой.
Но двум героям нашим добрым,
Как прежде, поражения нет.
Для феи Лары и Калига
Вернется и восторжествует Свет.*

Пролог

Он убил ее голыми руками. Собственно, ему понадобилась лишь одна рука. Длинные изящные пальцы сомкнулись на ее тонкой бледной шее и стали сжимать ее, сжимать и сжимать, пока ужас в ее темных глазах не превратился в стеклянную пустоту. Она обманула его надежды. В первый раз он простил ее. Простил и во второй. Но когда его охватила лихорадка третьего сезона размножения и ей снова не удалось оправдать его ожидания, то у него уже не оставалось выбора. Его привлекала, манила ее восхитительная темная сторона, и все же она оставалась для него лишь плодородной почвой, что должна была принять его семя, порождением которого стал бы его сын. После рождения ребенка он в любом случае собирался ее убить.

Теперь по крайней мере ему не придется слушать ее глупых честолюбивых речей. И она уже не будет бесконечно твердить о том, чтобы покинуть Темные Земли и отправиться завоевывать Хетар. Она никогда не была способна понять, что для того, чтобы это завоевание увенчалось успехом, им было необходимо набраться терпения и непременно переформировать и усовершенствовать свои войска. У них было время, и в этот раз Тьма должна была победить Свет. Однако Циарда никогда не признавала, что женщины созданы лишь для того, чтобы доставлять мужчинам удовольствие и вынашивать их детей. Она хотела участвовать в его грядущих завоеваниях, глупое наивное создание! И тем не менее ее крахом стала неспособность родить ему наследника. Он думал, что именно она станет той единственной, избранной. Он верил в это.

Как только она безвольно повисла в его руках, он сам отнес безжизненное тело из опочивальни до середины моста, ведущего к его Дому удовольствий. Затем, в последний раз взглянув на свою единокровную сестру, он перебросил ее через балюстраду и отпустил в бездонное ущелье. Пройдя в тронный зал, Колгрим, Повелитель Сумерек, вызвал к себе Альфрига, своего канцлера.

– Циарды больше нет, – объявил он гному, когда тот предстал перед ним.

– Она не была избранной, – тихо произнес Альфриг. – Вы не собираетесь обратиться к Книге Правления, чтобы узнать, что она предвещает теперь?

Колгрим кивнул.

– Открой ее, – потребовал он.

Подойдя к стойке, на которой покоилась Книга Правления, канцлер с благоговением прикоснулся к переплету и открыл ее. Затем он отступил на шаг, чтобы позволить своему молодому господину прочесть начертанное в Книге.

Едва взглянув на страницы, Колгрим жестом подозвал Альфрига, чтобы и тот мог увидеть написанное. Очень немногие могли прочесть этот древний язык, на котором были так изящно выведены слова на драгоценных страницах. Повелители Сумерек знают этот язык с рождения. Альфрига обучил ему бывший Повелитель Сумерек, отец Колгрима, так как гном был единственным, кто заслужил доверие своего господина.

Книга Правления была волшебной. В ней неизменно появлялись все новые и новые чистые страницы, на которых с течением времени незримая рука добавляла записи. Книга рассказывала о правлении Повелителей Сумерек прошлого и настоящего, а также давала советы и указания своему нынешнему хозяину. Сегодня она гласила:

«Та, что предназначена была лишь для блаженства, теперь устраниена, и этот верен путь. И вот настало время ожидания той избранной, что принесет на свет будущего Повелителя Сумерек. Когда придет момент, укажет Книга, которую из дочерей ты должен выбрать в хетарианском Доме Агасферуса. Беря начало от самой Уллы, она взрастит в своем волшебном темном лоне потомка Йоруна, и твой род не будет знать конца. Теперь же наберись терпения, Колгрим, сын славных Колла и Лары. Используй это время с толком, ведь должен быть готов ты ко всему».

Альфриг обратил взор к своему господину.

– Это хорошо, – сказал он, кивая, – очень хорошо.

– Скажи, у моих женщин рождались дочери? – спросил Колгрим.

– Да, несколько, – ответил канцлер.

– Убить их всех, и их матерей. Мне не нужны рыдания женщин, ищущих возмездия, и их проклятия в мой адрес. Если кто-то из них еще носит ребенка под сердцем... убить и их. С помощью магических сил я сделаю бесплодными своих оставшихся женщин и тех, что еще будут моими. Я не позволю, чтобы моему сыну грозила опасность, исходящая от сестер, как это было со мной и моим братом. У меня будет лишь один наследник, сын, рожденный той, что предначертана мне судьбой.

– Превосходно, мой господин, превосходно! – одобрительно приговаривал Альфриг. – Ваш отец был бы так горд за вас!

– Да, но не моя мать, – горько усмехнулся Колгрим. – Она прекрасное, невероятное создание, подобное ослепительному свету, и она одна может одержать надо мной верх и нанести мне поражение.

– Она не сделает этого, не в этот раз, – возразил Альфриг, словно готовый поручиться.

– Почему ты в этом так уверен? – потребовал ответа Колгрим.

Гном затряс своей седой головой.

– Что-то глубоко внутри меня подсказывает мне, что это так, мой господин. Этому нет логического объяснения. Но вы выиграете на этот раз! Я знаю это! Кроме того, вы сын своего отца. В вас нет ничего от Лары.

Лицо Колгрима осветила столь необычная для него мягкая улыбка.

– У меня ее золотистые волосы, – заметил он. – Я мог бы сделать так, чтобы они стали такими же темными, как у отца и брата, но мне нравится их цвет. Он напоминает мне о маме.

– Но для чего вам это постоянное напоминание о ней? – поинтересовался Альфриг.

– Разве не в этом мудрость, Альфриг, – узнать врага, прежде чем поразить его?

Гном покачал головой, не скрывая изумления.

– В вас нет ни грамма сентиментальности, мой господин. Вы рассудительны и мудры не по годам. Хвала Креллу, ваш отец в тюрьме, в противном случае, уверен, вам бы пришлось сражаться с ним за Темные Земли. Здесь Силы Света допустили большую ошибку. Они полагали, что, заключив в темницу вашего отца, смогут предотвратить неминуемое. Они были уверены, что вы с вашим братом будете бороться за власть в этих землях, тем самым ослабляя наши силы на целые столетия вперед. Но я оградил вас друг от друга, сокрыв в разных местах,

чтобы обезопасить вас. Вы ничего не знали о вашем наследии, мой господин, пока вам не поведала о нем ведьма Циарда, ваша единокровная сестра. Я же хотел, чтобы вы и ваш брат никогда не узнали друг о друге. Те, кто растили и воспитывали вас, ничего не знали о вашем происхождении. Я был намерен выбрать одного из вас, подготовить и допустить к правлению по достижении зрелости.

– Однако Циарда спутала все твои планы своим честолюбием, – усмехнулся Колгрим.

Альфриг кивнул:

– Да, так и есть, и хаос, который воцарился бы по ее вине, оставил бы Темные Земли без правителя на многие годы. Она была глупейшим созданием.

– Кого бы ты выбрал, канцлер? – откровенно спросил молодой Повелитель Сумерек. В его темных глазах сверкнул зловещий огонек.

– Мой господин! Что за вопрос?! – Альфриг лукаво усмехнулся. – Как только я узнал вас обоих, выбор стал для меня очевиден. Вы, Колгрим, сын Колла! Ваш брат-близнец был агрессивным, незрелым и грубым невеждой. Все, чего он жаждал, – лишь власть, вино и удовольствия. Именно по этой причине ведьма Циарда решила использовать его против вас и против меня. Теперь она мертва. Ваш брат в тюрьме, вместе с вашим отцом, а вы, мой господин, в конце концов отпразднуете свой триумф.

– Ты в этом уверен? – спросил Колгрим. – Ведь если ты окажешься не прав, Альфриг, я лишу тебя жизни без малейших колебаний, прежде чем мой рок меня настигнет.

– Лишь благодаря своей интуиции я все еще жив, мой господин, – поклонился гном.

– Я не самое терпеливое существо.

– И все же вам придется набраться терпения, мой господин. Ваши старания будут вознаграждены сполна. Клянусь вам! – Альфриг настаивал, страстно убеждая своего господина. – Именно вы будете единственным триумфатором!

Глава 1

Более века прошло с тех пор, как Лара и Калиг одержали победу над Силами Тьмы, которые частично захватили власть над их миром. Полуфея с трудом примирилась с жестокой участью волшебных созданий, которые вынуждены видеть, как смертные, которых они любят, стареют и умирают. Диллон, ее старший сын, остался молод и полон жизни в Бельмаире, которым он правил, будучи королем. Его жена Синния все это время была рядом с ним и тоже оставалась юна и прекрасна. У них родился сын и шесть дочерей, две из которых проявили способности в магии своих родителей.

Ануш, второй дочери Лары, отцом которой был Вартан, должно было скоро исполниться девяносто. Она так и не вышла замуж, что весьма печалило Лару, и даже никогда не имела любовника. Среди представителей клана Фиакр ее ценили и уважали за целительские способности, но в то же время боялись ее провидческого дара. И Ануш стала подавлять его в себе, ибо была созданием нежным и не хотела причинять никому беспокойства и неприятностей. По прошествии лет, когда уже не осталось в живых тех, кто знал ее лично, этот ее талант был позабыт, и все вокруг считали ее просто целительницей. Сама она была только рада такому отношению. Со временем осталось лишь несколько пожилых представителей клана, которые еще помнили, что она была дочерью Вартана Великого, который женился на фее.

Подвиги Вартана теперь уже считали не более чем легендами. В Новом Дальномземье Теры кланам не приходилось переживать о том, чтобы выжить и остаться в безопасности. Непосредственно от самой Теры их отделял высокий горный хребет, и они жили в спокойствии и благополучии, выплачивая ежегодную дань доминусу. Среди них больше не было великих лидеров и вождей. Им казалось, что жизнь их всегда была такой, как теперь, и они едва ли верили в то, что такие люди, как Вартан и прекрасная фея, на которой он был женат, вообще когда-либо существовали. Считалось, что история чудесного спасения Ларой кланов из Дальномземья Хетара всего лишь сказка и не более того.

Девини сочиняли баллады о прошлом и каждую осень исполняли их на Собирации, как и прежде. Только теперь собравшиеся слушали их с удовольствием и с улыбками на лице, полагая, что все их песни лишь выдумка, а истории если и содержат какую-то долю правды, то уж точно далеки от действительности. Никто уже не мог поверить, что жизнь их предков могла быть полна столь невероятных приключений и окружена таким волшебством. Имена Рендора, Роана и Лиамы больше ничего для них не значили. Они считали себя обычным земледельческим народом. Однако с недавнего времени по волнам Обскуры к ним стали приплывать торговцы Таубила из Хетара и предлагать на продажу многообразные товары, а также рабов. В Новом Дальномземье они увидели свежий, еще неосвоенный рынок сбыта своих товаров, но помимо этого принесли из Хетара определенные недостатки.

За последние двадцать лет вокруг дворца доминуса вырос и расцвел крупный город. Подле каждого из семи фьордов теперь также стоял маленький город. Торговые суда из Хетара, пересекая море Сагитта, подходили непосредственно к этим поселениям. Они приплывали за прекрасными тканями, драгоценностями и прочими товарами, что производили ремесленники Теры. Из Хетара же они привозили с собой грехи и пороки. Сначала потребовалось разрешение для создания по одному Дому удовольствий в каждом из маленьких городов только для улады моряков из Хетара. Однако любопытные мужчины Теры, которым было позволено управлять этими домами, когда в портах не было хетарианских судов, решили, что и для них должны быть созданы подобные заведения.

А затем доминус Амхар запросил у Хетара семерых устроительниц Домов удовольствий, чтобы они создали по одному в каждом фьорде. Эти хозяйки должны были наладить деятельность своих Домов, управлять ими в течение трех лет, выбрать себе замену среди местных жен-

щин и затем вернуться в Хетар. За эту услугу Амхар отдал свою младшую дочь Махолт, названную в честь его сестры, в качестве невесты Верховного Правителя Хетара Палбена. Таким образом, Хетар и Тера теперь были связаны гораздо теснее, чем когда-либо раньше. Лара обеспокоенно вздыхала. Как могло случиться такое, если прежде она отдавала все силы борьбе за безопасность Теры, за противостояние упадочнической культуре Хетара?

Загири, вторая дочь Лары, пережила своего мужа, Верховного Правителя Иону, хотя ему и удалось дожить до восьмидесяти лет. Уже будучи немощным, он сохранял прозорливость и ясность ума, правил очень жестко и сумел вернуть Хетару его былое процветание. Загири никогда не переставала любить его и горячо поддерживала во всем до последних дней его жизни. Несмотря на то что Загири была на тридцать лет моложе Ионы, она ненадолго пережила своего мужа. Лару всегда удивляло то, как скоро и легко ее прекрасное, золотое дитя, дочь Магнуса Хаука, последовало за любимым супругом. С другой стороны, Загири действительно никогда не проявляла ни малейшей склонности к магии.

Что же до Марцины, младшей дочери Лары, она выросла девушкой необыкновенной красоты. Проведя два года в монастыре ордена Дочерей Великого Создателя, где обучалась самодисциплине, Марцина снова отправилась к своей бабушке Илоне, королеве лесных фей, чтобы продолжить обучение магии. А после еще два года ее подготовкой и воспитанием занимался Калиг. Будучи отпрыском двух волшебных созданий, Марцина была удивительно способной, хотя сама всегда была уверена, что ее отец – Магнус Хаук, второй муж ее матери. Но благодаря Илоне никто никогда не задавался вопросом, почему сестра-близнец Таджа, с ее темными волосами, так не похожа на него, блондина.

Теперь Марцина большую часть времени проводила в лесах Хетара или в горах Теры, так как им с матерью не всегда удавалось находить общий язык. Лара видела в своей младшей дочери то, чего не замечали остальные. Она ощущала в ней какой-то след Тьмы, и это пугало ее. Темная кровь Колла, бывшего Повелителя Сумерек, который и дал ей жизнь, была неоспорима. Его кровь буквально закипала в ее венах, смешиваясь с бессердечностью, которую она унаследовала от своей бабки-колдуньи. Когда Марцине исполнилось шестнадцать лет, согласно летоисчислению смертных, она даже попыталась соблазнить Калига. Он отверг ее, но с тех пор отношения между матерью и дочерью никогда уже не были прежними. Марцина быстро поняла, что зашла слишком далеко, и обвинила во всем Калига. Однако Лара знала своего возлюбленного и друга жизни гораздо лучше, чем Марцина, и не была уверена, что сможет когда-нибудь простить дочери такое низкое предательство, хотя над ней смилостивился даже сам Калиг.

Лара снова вздохнула. Ее мир был на самом краю чего-то неотвратимого, но она еще не знала чего и не могла даже беглого взгляда бросить за этот пугающий край. Поднявшись с кресла, в котором сидела, Лара направилась в свой сад. Теперь она жила в юго-западной башне дворца. Слава Великому Создателю, эта башня выходила на фьорд, и Ларе не приходилось постоянно видеть Доминум – так велел назвать город ее внук. Доминум был создан по подобию хетарианского города. Однако очень немногим жителям Теры приходилось видеть этот самый город. Архитектор доминуса Теры опирался на описания столицы Хетара, предоставленные послом Амреном. Лара побывала там и не нашла ничего общего между этим новым городом и столицей Хетара. Доминум, с его огромными зданиями, высеченными из мрамора, добытого в каменоломнях Изумрудных гор, мог служить памятником неумеренности и нарочитому роскошеству.

Гномы, покровители руд и драгоценных камней, очень возражали против такого вторжения в их владения. Но в последнее время их численность заметно сократилась, а потому все, что они могли, – лишь протестовать, напрасно надрывая голос. Лара пыталась вразумить своего внука, доминуса Амхара, напоминая ему, что драгоценные металлы и камни, добытые гномами, являются сырьем для ремесленников Теры, которые занимаются ювелирным делом и

работами по металлу. Если гномы откажутся работать в рудниках, у Теры не останется товаров для экспорта в Хетар. Она убедила гильдии ремесленников и работников по металлу поддерживать ее в этих стараниях. Доминус Амхар был недоволен тем, что его критикует красивая женщина, какой являлась его бабушка. К главам гильдий он отнесся совсем иначе. Амхар отправил гномам свои извинения за вторжение на их земли без дозволения и испросил разрешения еще на два месяца работ в каменоломнях. Вместе со своим посланником он отправил дюжину бочек доброго вина и шесть бочонков устриц во льду. Скрепя сердце гномы согласились. Значительной части их гор уже был нанесен непоправимый урон.

Таким образом и был выстроен Доминум, через который проходили три широкие улицы с юга на север и три с востока на запад. Однако здания в большинстве своем пустовали, так как все правительство, для которого предназначались они, составлял сам доминус, а он руководил городом, не покидая своего замка. Совет, сформированный Магнусом Хауком, был распущен доминусом Таджем еще несколько десятилетий назад. Как ни старалась Лара убедить сына в обратном, Тадж счел, что в Совете нет никакой необходимости. Это было самонадеянным экспериментом, не более того.

Жители Теры привыкли к определенной форме правления. Они не хотели никаких перемен и были довольны своим доминусом. Но он считал своим долгом принимать решения, а не думать о людях. Лара понимала, что бабушка Таджа и трое его дядей, которые были назначены членами Совета, на совесть исполняли свою работу, пока она занималась спасением и защитой их мира. Тем временем ее сын уже в старшей школе превратился в настоящего теранского доминуса, но она увидела это, когда было уже слишком поздно. Ее внук и правнук стремились вслед за Таджем хранить древние традиции.

Когда свекровь Лары уже лежала на смертном одре, она дала Таджу совет, как ему следует выбрать себе жену. Это должна быть благовоспитанная девушка родом из Теры, которая будет твердо знать, что ее место на вторых ролях, а ее долг в том, чтобы произвести на свет наследников Таджа. И Тадж, несмотря на все старания Лары, последовал напутствию леди Персис, оставив мать в безмолвном отчаянии. Она размышляла о том, что, если бы Магнус Хаук так же прислушивался к своей матери, Тера никогда не освободилась бы от проклятия Юси и, вероятно, была бы покорена Хетаром или Повелителем Сумерек. Но с момента смерти Магнуса теране стали весьма искусно оказывать влияние на сына Лары. Возможно, если бы она больше времени проводила с ним, этого не случилось бы, но в тот период слишком много навалилось проблем. К тому же в то время волшебные обитатели Хетара боролись за безопасность своего мира.

В конце концов Тадж вырос и женился на подходящей девушке родом из Теры. Винета была очаровательна и даже красива, так что ей не стоило особого труда владеть вниманием Таджа ровно столько, сколько требовалось, чтобы произвести на свет его детей, что от нее и ждали. Амхар родился через десять месяцев после их свадьбы. За ним последовали две его сестры – Элвина и Касперия. Амрен, их младший сын, стал четвертым ребенком и родился лишь восемь лет спустя, но уже через год после него на свет появилась их младшая дочь Махолт.

Однако, выказывая своей свекрови видимое уважение, молодая домина Винета была обеспокоена тем, что мать ее мужа выглядит так, словно она ее ровесница, и вполне могла бы быть одной из ее подруг. Ее, дочь богатого вдовца, на роль жены Таджа выбрали его тетки Аселма и Нарда. Не имея матери, она обратилась к ним за советом. Так как обе старших сестры Магнуса Хаука недолюбливали Лару, они соответствующим образом повлияли и на мнение Винеты о ее свекрови. Младшая тетка Таджа, леди Сирват, лучшая подруга Лары, попыталась залатать эту растущую брешь в их отношениях, но разрыв между ними был уже слишком велик.

Аселма и Нарда нашептывали что-то той на ушко, вводя ее в заблуждение, порождая определенные предубеждения. И Винета поверила всему, что они говорили. Она не подпускала

к бабушке детей, с почти театральным драматизмом прижимая их к себе, когда Лара входила в детскую. Дети чувствовали, что что-то не так, и начинали бояться прекрасной женщины с золотыми волосами, которая приходила их навестить. В конце концов уже только при виде Лары они впадали в такую истерику, что, пожаловавшись сыну, Лара не выдержала и отступила.

– Это же дети, мама, они такие, – успокаивал доминус Тадж. – Бывает, что они пугаются даже собственных родителей.

– Я родила и воспитала достаточно детей, чтобы знать, какие они, – резко ответила Лара. – Эти две гарпии, старшие сестры твоего отца, научили Винету бояться меня, она же, в свою очередь, вселяет этот страх в моих внуков. Амхар зашипел на меня и сделал какой-то странный жест, которым, как мне кажется, его научили не подпускать к себе зло. Я допустила неосторожность и засмеялась, а он разрыдался и с криками убежал от меня прочь.

– Должно быть, у него переходный возраст, – защищал Тадж старшего сына.

– Все это предрассудки. Незаслуженно предвзятое мнение, – тихо сказала Лара. – Магия не коснулась тебя, Тадж, и все же ты сын феи. Ты должен быть счастлив, что родился простым смертным, иначе тебе бы пришлось столкнуться с тем, что переживаю сейчас я. Такого не было во времена твоего отца. Впрочем, возможно, и было, но твой отец защищал меня, так как очень любил. Я ваша мать, мой господин доминус, и уже это должно вызывать уважение. Но если даже твоей жене и теткам позволено обращаться со мной так грубо и бесчестно, то и твои дети будут вести себя так же. Когда-то ты был на моей стороне, был вместе со мной против тех, кто оскорблял меня. Но эти времена прошли. Это кажется мне весьма печальным, но я всегда буду любить тебя, даже если ты совсем перестанешь мне нравиться, – сказала Лара своему сыну, и по его потрясенному виду она поняла, что слова ее достигли цели.

Однако она не могла встать между Таджем и Винетой и не хотела делать этого. Она ни за что не стала бы требовать, чтобы он сделал выбор между матерью и женой. Это метод смертных, но не магических созданий. Вот так внуки Лары стали для нее по сути совершенно чужими. И все же, когда младший сын Таджа должен был отправиться в Хетар в качестве посла Теры, он пришел именно к Ларе за сведениями, которые могла дать ему только она.

– Расскажи мне о Хетаре, – попросил он.

– Зачем тебе это?

– Я буду там представителем Теры, – с гордостью сказал Амрен. – Ты ведь из Хетара. Ты должна знать, какие сведения понадобятся мне.

– Я фея, – уточнила Лара. – Я родилась в лесах Хетара. Я дочь Илоны, королевы лесных фей, и хетарианца Джона Быстрый Меч. Джон Быстрый Меч твой прадед. Его помнят в Хетаре и очень чтут, особенно среди Доблестных Рыцарей.

– А кто они? – поинтересовался Амрен.

Лара стала рассказывать.

– Итак, в Хетаре существует четкое разделение на социальные слои, так же как и здесь, в Тере. И даже более того, в Тере, например, есть доминус и его семья, а также низший класс, состоящий из торговцев, фермеров, ремесленников и тому подобных. В Хетаре же существует Верховный Правитель и Высший совет, в который входят представители провинций, а также гильдии купцов, к которой принадлежат все торговцы и держатели лавок. Есть также гильдия солдат, орден Доблестных Рыцарей, гильдия женщин для удовольствий и гильдия владельцев Домов удовольствий. Существуют фермеры и торговцы, целители и те, кто оказывает разного рода услуги.

– Звучит запутанно и сложно, – отметил Амрен. – Но ты должна мне все рассказать, и не будем впутывать в это отца.

– Должна? Как ты смеешь так говорить со мной, Амрен, внук Магнуса Хаука?! В Хетаре первостепенное значение имеет то, как ты впервые предстанешь перед людьми, также чрезвычайно важны хорошие манеры. Если ты будешь груб и невоспитан, то в Хетаре будут уверены,

что все жители Теры таковы. Первое впечатление, которое ты произведешь, будет самым значимым. Ты не можешь позволить, чтобы хетарианцы и дальше наивно полагали, что их государство единственное цивилизованное в мире. И все же я должна подумать, стоит ли тебе все рассказывать о Хетаре. Неужели это возможно, учитывая то, как ты воспитывался?

Амрен был привлекательным молодым человеком. Очень многое в нем напоминало Ларе Магнуса Хаука, особенно темно-пшеничные волосы и голубые глаза. Но его губы были тонкими, а подбородок не таким волевым. «И все же в нем есть определенный шарм, – думала Лара, – и, может, его действительно можно подготовить, чтобы он смог с достоинством и должным изяществом представить Теру».

– Пожалуйста, поведай мне обо всем, что ты знаешь, бабушка! – попросил он, улыбаясь ей.

Лара рассмеялась.

– Ни разу с тех пор, как вы родились, я не слышала слово «бабушка», обращенное ко мне, – сказала она. – Приходи завтра в два часа дня. К тому времени я решу, стоит ли помогать тебе.

– Скажи, а ты действительно могла бы превратить меня в жабу? – спросил он полушутя.

Лара осторожно кивнула.

– Если бы сочла нужным.

– Старые тетki говорят, что ты само зло, – сказал Амрен.

– Нарда и Аселма – две старые иссохшиеся интриганки. Впрочем, такими они были и в молодости. В них зла гораздо больше, чем во мне. Твоя тетушка Сирват была единственной из всех членов семьи Магнуса Хаука, кто стал мне другом, и вот теперь ее уже нет.

– Мама любит их, – признался Амрен.

– Ну что ж, я рада за них, хоть кому-то они пришлись по душе, – язвительно заметила Лара. – А теперь ступай, мой мальчик. Мы поговорим с тобой завтра, когда ты придешь.

– Если приду, – уточнил он.

Лара снова рассмеялась и жестом велела ему идти. Конечно же на следующий день Амрен снова был у нее, и приходил ежедневно два месяца подряд, и бабушка передавала ему все свои знания о Хетаре. Когда Лара решила, что он уже почти готов, она пригласила портного доминусов и лично проследила за созданием его нового гардероба. Портной доминусов, будучи человеком умным, учтиво улыбался и кивал, соглашаясь с советами домины Винеты, а также леди Нарды и леди Аселмы касательно гардероба Амрена. Следуя же подробным указаниям Лары, он сотворил великолепные одеяния из тончайших шелков, бархата и атласа, вышитые золотом и украшенные полудрагоценными камнями и кристаллами. Туфли и сапоги были сделаны из кожи наивысшего качества, некоторые из них блестели золотом и серебром. Там были плащи и мантии, отороченные мехом, украшенные золотой и серебряной нитью. Среди прочих атрибутов посла был меч и несколько кинжалов, ножны и эфесы их были усыпаны драгоценными камнями.

Когда доминус Тадж увидел все, что его мать сделала для его младшего сына, он ощутил одновременно удовлетворение и печаль. На миг его вдруг посетило воспоминание о детстве, о том времени, когда отец его еще был жив, когда мать всей душой любила его и беззаветно баловала. Он вспоминал теплые осенние дни, когда она сажала его перед собой на коня, которого звали Даграс, и в голубом небе они носились над прекрасными равнинами Теры. Она показывала ему мир таким, каким его не видели другие. Когда отец погиб, она стала для него опорой и силой, мягко, но непреклонно вела его, превыше всего ставя интересы его самого и Теры. Теперь, по прошествии лет, Тадж понимал, что только его мать, фея и необыкновенная женщина, могла быть такой великодушной и бескорыстной. Теперь он знал, что она спасала Теру далеко не единожды, и ему было стыдно за свое поведение. Не сводя с нее глаз, он произнес:

– У меня нет слов.

– Они есть, и я слышу их своим сердцем, – мягко ответила Лара. – Амрен умный юноша, и сможет достойно послужить на благо Теры, сын мой.

Домина Винета сидела рядом, в компании Нарды и Аселмы, и с нескрываемым волнением наблюдала за своим мужем и его матерью.

– Какой корабль доставит Амрена в Хетар? – спросила Нарда Винету.

– Это будет не корабль, – ответила та. – Его будет сопровождать принц-тень.

Нарда и Аселма дружно зашипели, выражая свое осуждение.

– Это удобно и быстро, – осмелилась заговорить Винета. – К тому же при нем будут два посланца волшебной почты, которые будут доставлять его сообщения сюда и передавать ему наши.

– И ты, Винета, позволила этой фее оказывать свое порочное влияние на твоего сына? – возмущенно спросила Аселма. – Я потрясена! Ведь столько лет ты оберегала своих детей от нее, а теперь поступаешь вот так. Гардероб Амрена свидетельствует о том, что она уже начала плести вокруг него свои сети. Это же очевидно – она колдовством заставила портного подчиняться ей, а не следовать нашим четким указаниям. Твой младший сын выглядит как хетарианец, а не житель Теры.

Лара все слышала. Прошли годы с тех пор, как она в последний раз говорила с золовками, и была удивлена, обнаружив, что они по-прежнему так раздражают ее.

– Амрен прекрасен в своем новом облачении. Богатство одеяний придаст ему больше веса и значимости при общении с хетарианцами, чем простые строгие одежды. В Хетаре первое впечатление является определяющим. Неужели за все эти годы вы так и не получили ни малейшего представления о Хетаре?

Ей никто не ответил. В памяти Лары вдруг воскрес один день из прошлого, так ясно, словно это было еще вчера. Нарды и Аселмы уже давно не было рядом. Младшая сестра Магнуса, леди Сирват, ближайшая подруга Лары, покинула сей мир, и с ее смертью у Лары не осталось друзей среди жителей Теры. Ее мать когда-то, лет пятьдесят назад, прислала Ларе служанку Кади, так как ее прежняя верная горничная Мила уже состарилась.

Кади была плодом любви от случайной встречи мужчины из магического мира и необыкновенным сильным духом, что вселился в крону осины, росшей в Лесной провинции Хетара. Одним прекрасным майским утром лежащую в колыбели, оставленной среди корней, что избороздили поверхность земли вокруг дерева, девочку нашел ее отец, почувствовавший зов своей прежней возлюбленной. Осина поведала ему, что это его ребенок, и он должен позаботиться о нем, так как мать не в состоянии вырастить его. Он согласился и принес младенца своей королеве, умоляя ее о помощи.

Хотя он принадлежал к волшебным существам низшего класса, Илона согласилась растить его дочь, воспитывать и обучать, чтобы в будущем отправить в услужение к Ларе. Королева лесных фей знала, что в конце концов ее дочери понадобится служанка родом из таких же, как они. Век смертных был слишком короток! И еще при жизни они очень быстро становятся слабы и немощны. Вот так Кади в возрасте четырнадцати лет попала к своей госпоже.

Она была нежным и хрупким созданием с большими сказочно-зелеными глазами, которые унаследовала от своего отца. Однако самой примечательной особенностью были ее волосы, подобные листве. Летом волосы Кади становились изумрудно-зелеными и словно трепетали при малейшем дуновении ветра. Осенью они окрашивались в пурпур и золото. К зиме ее голова покрывалась будто короткими сухими коричневыми веточками. С приходом весны они начинали прорастать бутонами и почками, которые вскоре становились круглыми и необычно плоскими, так похожими на листья осины!

Илона воспитала девочку на совесть. Милая, но очень разумная и рассудительная, она служила своей госпоже, проявляя искреннюю преданность и доброту. А Ларе было спокойно и приятно иметь служанку, которая понимала свою хозяйку и особенности ее магических прояв-

лений, иметь кого-то, кому можно доверять секреты. Кади сопровождала Лару в Новое Дальноеземье, когда та ездила проводить подругу своей юности в последний путь. Это был тяжелый и горький момент в жизни феи.

Посредством волшебной почты до Лары дошла весть о том, что Носс на пороге смерти. «Она не доживет, – писала ее дочь Милдри, – и до Собираения в этом году». Так как никаких официальных дел в Тере у нее уже не осталось, Лара пригласила присоединиться к ней в поездке Кади, тогда еще недавно прибывшую к ней. Придя в конюшню, они оседлали великолепного коня Лары Даграса и вместе отправились в Новое Дальноеземье.

Снова увидев Лару, Носс, чьи волосы посеребрила седина, а лицо покрыли морщины, лукаво засмеялась.

– В это путешествие, Лара, я отправлюсь без тебя, – сказала она. – Но Лиам уже ждет меня.

– Прошу, не уходи! – разрыдалась Лара. – Наш путь только начинается!

– Что это за девушка с тобой? У нее такие странные волосы, – полюбопытствовала Носс.

– Ее зовут Кади. Она моя новая служанка, – ответила Лара.

– Подойди сюда, дитя. – Носс поманила Кади и, когда девушка опустилась на колени подле старой женщины, усмехнулась.

Она приподнялась, протянула руку и потрепала волосы юной феи.

– Она из вашего магического мира, – сказала Носс. – Как тяжело, должно быть, видеть, как все мы умираем, милая Лара. Помню, как твоя мама говорила, что это проклятие быть феей и любить смертных. – Носс откинулась на подушки и на мгновение закрыла глаза, вздохнув. – Я знаю, пришло мое время, Лара. Но хотя теперь я лишь старая и немощная, мне все равно безумно не хочется покидать этот мир. Что ожидает нас там? Ты знаешь это?

Лара отрицательно покачала головой.

– Я знаю ничуть не больше, чем ты, моя милая Носс. Говорят, праведных смертных, кем ты без сомнения являешься, там ждет другой мир, пусть и совсем иной, но полный радости и счастья, где ты встретишься и соединишься с теми, кого любишь и кто ушел раньше тебя. А для смертных, отягощенных злобой и грехом, существует место совсем другого рода, где им предстоит расплачиваться за свою земную жизнь. Вот все, что я знаю.

– А ты будешь жить вечно? – спросила Носс.

– Я не знаю. Бабушка Мива, например, умерла, прожив в этом мире много веков. Однако куда она ушла и навсегда ли ее сущность покинула сей мир, я не знаю, Носс.

– А Этне? – спросила Носс о духе-хранителе Лары, обитавшем в кристалле, который Лара постоянно носила на шее.

– Я никогда не спрашивала ее. И не уверена, что готова спросить или узнать ответ, что она даст мне.

Кристалл на цепочке, обвивавшей шею Лары, вдруг вспыхнул, и у Лары не осталось сомнений, что в этот миг она услышала звенящий смех Этне.

Носс вдруг громко вздохнула, так как тоже расслышала тихий смех.

– Я слышала ее! – воскликнула она в радостном волнении. – Я слышала смех Этне! Я сама! – Носс села в постели.

«Это и то, что я сейчас скажу тебе, будет моим прощальным даром тебе, Носс из клана Фиакр. Ты всем сердцем любила мою госпожу все эти годы. Твоя дружба была искренней и бескорыстной. Когда будешь готова, иди на свет и ничего не бойся, Носс из клана Фиакр, ибо верный спутник твоей жизни с нетерпением ждет твоего прибытия. Не бойся врат, что открываются перед тобой. Смело ступай. Ты вела праведную жизнь, и иди вперед, неся с собой благословение волшебных созданий».

И Носс вдруг ощутила нежное прикосновение к щеке, подобное поцелую. Ее тускнеющие карие глаза наполнились слезами.

– Благодарю вас, Этне, – все, что она смогла произнести в ответ, и посмотрела на Лару: – Мое время пришло. Ты останешься со мной до самого конца, моя милая Лара? – Женщина закрыла глаза и снова опустилась на подушки.

– Конечно, Носс, я буду с тобой, моя дорогая, – ответила Лара, сжав ее руку в своих ладонях, и села возле своей подруги, единственной смертной, которую еще не унесло беспощадное время.

Когда солнце стало утопать в красных, ярко-рыжих и золотистых отблесках, а бледно-зеленый свет обрамил закатное зарево и глубокое синее небо затмили крохотные пурпурные облака с золоченой каймой, в эти минуты Носс, вдова Лиама, главы клана Фиакр, сделала отважный шаг в открытые пред ней ворота, чтобы покинуть эту жизнь и войти в новую, еще неизведанную. Едва это случилось, Лара услышала радостные возгласы приветствия тех, кто встречал Носс по ту сторону таинственного порога. Лара улыбнулась и, глядя на дочь подруги, Милдри, тихо сказала:

– Твоя мама покинула нас.

Несколько минут Милдри тихонько плакала, но затем, будучи настоящей дочерью своей матери, она поднялась и сказала Ларе:

– Вы ведь останетесь на церемонию прощания.

Лара осталась. Она и Носс были близкими подругами с самого детства. Они вместе пережили рабство. Были воссоединены принцами-тенями. И в путешествиях по равнинам старого Дальнегоземья познали такие приключения, каких Ларе никогда не забыть. Она оберегала Носс, которая была на три года моложе ее. А когда кузен первого мужа Лары влюбился в Носс и Носс ответила ему взаимностью, именно Лара сделала все, чтобы устроить их свадьбу. Они стали счастливой семьей, в которой родилось несколько сыновей и дочь. Быть женой, матерью и верным членом клана было предначертано Носс судьбой. И хотя предназначение Лары было совсем иным, они оставались преданными и верными подругами. И вот теперь Носс не стало.

Вспоминая те далекие времена, Лара снова не сдержала слез. Сколько смертных она уже потеряла? И теперь она оказалась в мире, где никто не помнил ни о том, кем она была, ни о ее многочисленных свершениях, которые помогли смертным мира Хетар выжить и не погрузиться во Тьму. Однако что-то должно было случиться. Приближались какие-то большие перемены. Ее, казалось бы, неоправданная тревога не предвещала ничего хорошего. Ей необходимо было отправиться в оазис Зирун, чтобы погрузиться в размышления. Освободиться на какое-то время от переживаний и тревог смертных, которые окружали ее, не позволяя сосредоточиться.

– Кади! – позвала она служанку.

– Мы отправляемся в Зирун? – едва войдя, предположила Кади, готовая присоединиться к своей госпоже.

Лара рассмеялась.

– Ты, должно быть, прочитала мои мысли?

– Нет, моя госпожа, я не смею. Я просто знаю этот ваш взгляд, он всегда означает одно – мы отправляемся в Зирун, – с улыбкой ответила Кади.

– Я поеду на Дагресе, – сказала Лара, – но тебя отправлю вперед, чтобы ты заранее подготовила для меня жилище.

Взмахнув рукой, Лара открыла магический золотой проход и произнесла одно лишь слово «Зирун!», и Кади ступила в туннель и заторопилась вперед по мерцающему проходу. Туннель закрылся. Достав из платяного шкафа белую шелковую накидку, подбитую мягким мехом, Лара набросила ее на плечи и еще одним взмахом руки перенесла себя к конюшням, где ожидал ее Даграс.

Великолепный белый жеребец поднял глаза и кивнул в знак приветствия. Лара одним прикосновением сменила его попону на седло и узду.

– Мы спешим, не так ли? – спросил Даграс, почувствовав, как ремни сами собой стянули его брюхо. – Куда мы направляемся?

– В Зирун, – ответила Лара. – В твоём стойле грязно. Здесь не убирали?

– Конюхи стали очень небрежными. С тех пор как не стало внука Джейсона, за мной нет персонального ухода. – Он ударил копытом и замотал головой. – Уже давно никто не расчесывал мне гриву, – пожаловался он. – Близок тот час, моя госпожа, когда мы должны будем покинуть это место. Тера была когда-то домом для нас, но теперь все не так.

– Я знаю, – полушепотом сказала Лара и почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза. Взяв скребницу, она стала водить ею по густой гриве жеребца, и слезы обожгли ее щеки. – Именно поэтому мы и держим путь в Зирун. Мне нужно обдумать, как жить дальше.

– Мы должны уехать в Шуннар, – ответил Даграс. – Вы же помните, что принц был рад принять вас у себя. Он даже хотел возвести для вас дворец, чтобы вы могли сохранять так оберегаемую вами независимость.

Возможно, мне следует отправиться в Лесное королевство моей матери, – предположила Лара.

Жеребец фыркнул, словно усмехнулся.

– Чепуха, – сказал он. – Кроме того, я не смогу скакать во весь опор в лесу, среди всех этих деревьев. Взбирайтесь же мне на спину, хозяйка, и наконец отправимся в Зирун. Я так хочу взлететь в небо!

Лара оседлала Даграса и указала на двери конюшни, которые тотчас распахнулись, пропуская их к выходу. Жеребец в мгновение ока вырвался на открытое пространство внутреннего двора, испытывая определенное удовлетворение, видя, как расступаются конюхи и слуги, освобождая ему дорогу. Они боялись его, и он это знал. Они кормили и поили его неохотно, так как еще больше боялись Лару. Однако его стойло уже не вычищалось так часто, как когда-то, его не чистили и не расчесывали его гриву. Вдруг конь расправил огромные прекрасные крылья и оторвался от земли.

– Ты думаешь, он вернется в этот раз? – спросил один конюх другого.

– Кто знает, как все обернется, – ответил ему тот. – Надеюсь, они исчезли навсегда. И все же нужно как следует вычистить стойло этой животины, пока оно свободно.

Над ними Даграс уже почти слился с высоким синим небом, беря курс на Изумрудные горы.

Доминус Кадарн выглянул в окно своей библиотеки и заметил, как Даграс набирает высоту. Он прищурился, затем схватил подзорную трубу и приставил ее к глазу. «Так я и думал», – нахмурился Кадарн. На жеребце, пригнувшись к его шее, сидела его фея-прабабка. Куда она отправилась? В действительности он даже боялся об этом спрашивать, так как каждый раз, когда она уходила, в душе он надеялся, что она уже не вернется.

Кадарн отошел от окна, чтобы не видеть этого зрелища, лишившего его покоя. Как раз сейчас он ожидал визита своего дяди Амрена, который только что вернулся из Хетара. Они должны были обсудить новое торговое соглашение. Он уже видел этот документ и отнюдь не был доволен им. Хетар не мог более продолжать так беззастенчиво использовать Теру, как делал это на протяжении долгого времени. И именно это должен был донести до хетарианцев Амрен. Молодой доминус решил, что, возможно, пришло время отправить дядю в отставку. Амрен был уже в годах и большую часть жизни прожил в Хетаре. Но в последнее время Кадарн стал подозревать, что интересы дяди теперь скорее на стороне Хетара, нежели Теры. Доминус послал шпиона в дом Амрена. Сам шпион полагал, что посол Теры брал крупные взятки с гильдии купцов, а возможно, и с королей Прибрежной провинции. Жена дяди была из Хетара, родом из благородного влиятельного дома Агасферуса. Он понимал двойственность положения и чувствовал двуличность Амрена, но, чтобы его уволить, необходимо было получить под-

тверждение. Конечно, Кадарн не стал бы компрометировать Теру или свою семью, вынося на всеобщий суд грехи своего дяди. Пользуясь положением доминуса, он просто объявит, что дядя отправляется на заслуженный отдых, и публично поблагодарит его за долгую и верную службу. Но, несомненно, основная сложность состояла в том, чтобы найти того, кто будет преданно служить, не становясь продажным и не поддаваясь искушению. Он склонялся к кандидатуре своего младшего брата Кадока. Кадок уже был женат, так что его преданность не подвергается сомнению. «Хотя в конце концов, – саркастически подумал Кадарн, – и он будет подкуплен».

Его размышления прервал стук в дверь библиотеки.

– Входите! – откликнулся доминус, и в распахнувшуюся дверь вошел Амрен. – Ах, дядя! Входи, входи, – пригласил Кадарн пожилого мужчину. – Нам многое предстоит обсудить сегодня. Я недоволен новым торговым соглашением, так что его условия должны быть пересмотрены. – Указывая на кресло, он сквозь зубы улыбнулся, подсмеиваясь над тем, как очевидно заволновался Амрен. – Мы должны все сделать для Теры, дядя. Ведь именно интересы Теры для нас превыше всего, не так ли?

Посол Амрен несмело улыбнулся.

– Безусловно! Безусловно! – горячо согласился он.

Доминус Кадарн едва сдержал смех. О да! Давно пора было сместить этого старика. Не важно, найдутся или нет доказательства его мошенничества и лжи, время перемен настало.

Глава 2

Даграс летел, расправив крылья, над Изумрудными горами, и, глядя вниз, Лара видела, что мраморные карьеры, выступавшие над склонами, снова начинали покрываться бархатной зеленью. Она подумала, что это, должно быть, добрый знак, и воспряла духом. Пролетев над горами, где гномы, покровители драгоценных камней и руд, продолжали трудиться на своих приисках, Даграс и Лара пересекли великие равнины Нового Дальноземья. Там все было по-прежнему. Клань продолжали жить так же, как и много лет назад, так же заботились о своих стадах, отарах и полях. Каждую осень клань съезжались на Собрание. Деревень теперь было гораздо больше, чем в прежние времена, и тем не менее мало что изменилось с тех пор. Дальноземцы подчинялись все тем же законам и порядкам, что и всегда.

Границу этих земель омывало море. Его называли Обскура. Еще столетие тому назад, а может, и больше, мало кто знал о его существовании. Теперь же торговые суда Таубила Традерса пересекали это море, чтобы произвести обмен товарами с клань. На дальнем берегу Обскуры распростерлась Провинция пустынь принцев-теней. Их дворцы в великолепных зеленых оазисах были видны лишь отсюда, с поднебесья. За ними и располагалось любимое место Лары, оазис Зирун, с его изящными пальмами, прекрасным водопадом и кристально чистым озером. Копыта Даграса коснулись теплых золотистых песков, крылья его начали складываться, и конь, словно в грациозном танце, стал неспешно останавливаться и наконец замер на месте. Лара легко соскользнула с его спины.

– Пришлите Кади снять седло с моей спины, хозяйка, – попросил Даграс. – Я вижу, что мое пристанище уже ожидает меня.

Возле воды был натянут полосатый навес, под ним организовано стойло и корыта для корма. Стойло было устелено свежим сеном, одно корыто было заполнено овсом, другое – смесью зелени, моркови и яблок, которые так любил Даграс.

– Я взяла с собой расчески и щетки, – сказала Лара, доставая их из кармана. – Я попрошу ее вычистить и вычесать тебя. По возвращении в замок я поговорю с главным конюхом, чтобы о тебе продолжали заботиться должным образом.

– То есть мы все-таки вернемся? – вздохнул Даграс, и, судя по тону, его это не радовало.

– На этот раз – да. Вот-вот должно случиться что-то судьбоносное, мой добрый друг, и интуиция подсказывает мне, что я должна быть в Тере, когда это произойдет.

Конь кивнул и, отвернувшись, поспешил в свое укрытие.

Навстречу Ларе вышла Кади из чудесного шатра бирюзового шелка, подготовленного для Лары и расположенного под навесом в голубую и коралловую полоску.

– Быстро вы добрались, моя госпожа, – сказала она с улыбкой.

– Ты права, – вздохнула Лара. – Мне необходимо было прибыть в Зирун как можно скорее. – Отсюда ей был виден весь оазис. Она воспользовалась защитным заклинанием, сделавшим ее прибежище невидимым для глаз смертных. Немногие из них направлялись сюда, но рисковать было бы глупо. – Я искупаюсь, пока не пришел принц, – сказала она Кади, сбросив с себя накидку и платье.

Лара подошла к прозрачному озеру и шагнула в воду. Она улыбалась, ощущая, как прохладная вода, поднимаясь, охватывает ее. В этом озере была какая-то загадочная, как будто очистительная сила. Подплыв к небольшому водопаду, она подставила голову под его струи. Затем она вернулась в спокойные воды самого озера и была крайне удивлена, увидев, что и Калиг неожиданно оказался здесь.

Он ухмылялся, очевидно довольный собой, и подплыл к ней.

– Ты всегда знаешь заранее, что я прибуду, – рассмеялась, сияя от счастья, Лара.

– Всегда, – согласился он и, взяв ее на руки, страстно и самозабвенно поцеловал.

– Ах, Калиг, любовь моя, – вздохнула Лара, освободившись из объятий. – Мне достаточно лишь взглянуть на тебя, и радость переполняет меня, милорд.

Она с нежностью убрала прядь темных волос с его лба.

Поймав руку любимой, он поднес ее к губам.

– Если ты действительно так счастлива со мной, Лара, любовь моя, тогда останься жить со мной в Шуннаре.

– Я так и сделаю, – пообещала она. – Скоро, очень скоро, Калиг.

Он был удивлен ее ответом, так как прежде она всегда настаивала на том, что ее место в Тере.

– Что произошло? – спросил он и повел ее за руку из воды, потом по шелковому теплому песку к шатру.

Кади подошла к ним с мягкими белыми туниками. Одну она бросила Ларе, и та сама собой укутала грациозную госпожу. То же самое служанка проделала с одеянием Калига.

– Угощения ждут вас на столе, моя госпожа, господин, – сказала она. – Если вы не нуждаетесь более в моих услугах, то я займусь Даграсом. – И, улыбнувшись, она заспешила прочь.

Лара плюхнулась на пестрые разноцветные подушки, разбросанные вокруг невысокого стола черного дерева. Медная чаша, что неизменно украшала этот стол, была полна свежих фруктов, а Кади добавила еще и маленькую тарелочку крошечных хрустящих медовых печений. Лара взяла одно и налила им с принцем из графина по бокалу фрина.

– Так что случилось? – повторил вопрос Калиг.

– Я не знаю, – сказала Лара. – Но меня переполняет какое-то острое чувство, будто должно произойти что-то судьбоносное. Последние сто лет я не испытывала ничего подобного. Боюсь, я становлюсь спокойной и благодушной, как простые смертные.

– А ты пыталась отыскать ответ?

Великого принца-тень тоже терзало тревожное предчувствие. Определенно происходили какие-то перемены, и, судя по всему, не к лучшему.

Лара покачала головой, и ее золотистые волосы затрепетали.

– Нет, у меня совершенно все спуталось в голове, Калиг. Мне просто необходимо было попасть сюда, в Зирун, чтобы внести ясность в свои мысли и устремления, а также обдумать, как действовать в дальнейшем. Даже Этне хранила загадочное молчание, мой господин.

Она прикоснулась к подвеске в виде хрустальной звезды на своей шее, и та засветилась, но только на мгновение, когда пальцы Лары дотронулись до нее.

– Я подозреваю, что тебя намеренно сбивают с толку, внося неясность в твои мысли, и, пока ты не осознаешь это, не покинешь Теру. К счастью, ты сильная и смогла понять, что что-то происходит. Лара, ты не должна более оставаться среди смертных. Я говорю это не ради себя или ради нас, а ради тебя самой. Твой рассудок должен быть ясным, ты должна быть полна сил и готова встретить то, что надвигается.

– А что же надвигается? – спросила фея.

Калиг покачал головой, его голубые глаза были полны тревоги.

– Даже я не могу ответить на этот вопрос, любовь моя. Но мы уже давно присматриваемся к миру Хетара с определенной долей подозрения. Их неспособность учиться на своих ошибках удручает. И ты, и я в последние десятилетия старались особенно не приближаться к ним, ведь если эти смертные не в состоянии использовать свой негативный опыт, кто знает, что с ними станет? Но сейчас, я полагаю, приходит время снова вмешаться в их жизнь, иметь с ними дело.

– Боюсь, что я уже не имею никакого влияния ни на жителей Теры, ни на хетарианцев, – с сожалением вздохнула Лара. – С течением лет моя внешность беспокоит их все больше и больше, ибо они стареют, а я нет. Похоже, они потеряли свою веру в волшебные создания и в весь наш мир. Они переписали историю Хетара, сделав ее такой, как выгодно и удобно им. И Новое Дальноеземье в этом плане ничуть не лучше. Вартана и его жену-фею низвели

до выдумки. А когда не стало Носс и моей дочери, то там не осталось никого, кто помнил бы меня. Они считают, что всегда жили в Тере, и, когда их образ жизни немного менялся с ходом веков, кто противостоял этим переменам? Такое чувство, будто все, что мы делали, было напрасно, Калиг. Я совершила непростительную ошибку, оставшись среди смертных. Мне следовало исчезнуть много лет тому назад и появляться, лишь когда во мне возникнет острая потребность. Сейчас я стала для них не более чем странным, диковинным существом. Они стараются избегать меня, когда это возможно, так как одно только мое присутствие приносит им неудобство. Но Калиг, любовь моя, я не могла оставить их, пока был жив сын Магнуса. Та небольшая часть меня, что роднит меня со смертными, предчувствовала предательство.

– Но Таджа нет в живых вот уже четыре года, – начал Калиг. – И с твоим внуком Амреном вы не особенно близки, не говоря уже о правнуке доминусе Кадарне. И тем не менее ты все еще не покинула Теру. Ты не обязана вечно оставаться в Тере. Ты должна быть со мной, в Шуннаре.

– В Шуннаре я не слышу голосов, что приносит ветер, а мне это необходимо, чтобы быть уверенной, что с нашим миром все в порядке, – ответила Лара.

Она отпила из бокала и снова погрузилась в задумчивость.

– И о чем же шептали тебе эти голоса в последнее время?

– Они внезапно смолкли, Калиг, – ответила Лара. – Вот почему мне нужно было попасть в Зирун. Чтобы восстановить в себе равновесие и ощутить, что мои чувства снова обострились. Они притупились от скуки и бесконечной рутины, и я стала привыкать к образу жизни, что не меняется годами.

– Что-то неладное происходит с магическими мирами, – заметил Калиг. – В Шуннаре разбушевались такие ветры, каких давно уже никто не помнит. Есть способ успокоить их, и мои братья принцы-тени с недавних пор не знают покоя, так как никто из нас не может найти ответы на все вопросы, о которых шепчутся вокруг нас.

– Это Тьма, – вдруг сказала Лара с такой уверенностью и ясной осознанностью, что по спине ее пробежала дрожь.

– В таком случае твой сын, вне всякого сомнения, снова готовит нападение на Силы Света, – кивая, подытожил Калиг.

Лара больше не отрицала своего материнства, когда речь шла о Колгриме, Повелителе Сумерек. Ни ее смертные дети, ни Марцина не знали об этом. Но сын Лары и Калига знал о своем единокровном брате. Лара была рада, что Диллон правит Бельмаиром, королевством далекой яркой звезды, что проливает свой свет на мир Хетара. Ей оставалось беспокоиться лишь о своей младшей дочери, Марцине.

Отец Колгрима силой овладел Ларой во время ее пребывания на равнине снов, тогда и была зачата Марцина. За это преступление он до скончания веков был заключен в темницу собственного замка, глубоко под землей. Теперь уже никто не знал об этом, кроме его преемника, отправившего в камеру к отцу своего брата-близнеца, а также Лары, Калига и еще нескольких членов магического мира. В то время Лара вынашивала сына Магнуса Хаука.

Когда у Лары родились двойняшки, сын и дочь, ее мать отметила, как девочка похожа на свою прародительницу-фею. Кожа Марцины была светлой, волосы черными, а глаза постепенно приобретали глубокий фиалковый цвет, в то время как у ее брата были шелковые золотистые локоны, как у отца и их старшей сестры Загири. Все без исключения поверили королеве лесных фей, и никто никогда не задумывался, почему Марцина внешне так отличалась от своих братьев и сестер. Лара же никогда не раскрывала дочери правды об истории ее рождения.

– Какое же еще злодейство он замыслил? – задумалась Лара вслух. – Неужели ему недостаточно того, что он правит собственным непокорным Королевством? Наверняка Циарда родила ему сына, и сейчас он занят тем, что обучает этого дьяволенка всем порокам и злодеяниям.

– Нет, Циарда не справилась. Не она оказалась избранной невестой. И он убил ее.

– Что?! Почему ты не сказал мне это, Калиг? – вспыхнула Лара.

– Я не считал это важным, – ответил он.

– Но это важно! Чрезвычайно важно! – воскликнула Лара. – Колгрим, значит, занят поисками своей избранной невесты, любовь моя. Вот те перемены, что я предчувствовала. Он, должно быть, обратился к Книге Правления и узнал, где ему предстоит найти нужную девушку. Если мы сможем отыскать ее до него и предотвратить их встречу, то в мире не будет нового Повелителя Сумерек. Мы можем одержать сокрушительную победу над Силами Тьмы! Если бы я знала, что Циарда мертва, я бы раньше догадалась обо всем этом.

– Лара, мы не можем окончательно стереть с лица земли Силы Тьмы, – возразил Калиг. – Всегда должно поддерживаться равновесие между Светом и Тьмой.

– Но почему?

– Потому что равновесие должно оставаться всегда, неизменно.

– Это не ответ, мой господин. Разве не будет мир хорош без алчности и жестокости? Мир, в котором все искренне заботится друг о друге, а не завидуют и причиняют друг другу зло и боль...

– Смертные еще не достигли этой ступени развития, так же как и мы, обитатели магических королевств, хотя мы к ней гораздо ближе, чем они, – сказал Калиг. – Если бы не существовало ни искушений, ни целей, ради достижения которых мы боремся и совершенствуемся, ведь тогда все потеряло бы смысл, не так ли, Лара? Даже в наших волшебных землях должно сохраняться равновесие между Светом и Тьмой.

– Ты хочешь сказать, мы не должны предотвратить появление на свет сына Колгрима?

– Твой сын поддерживал мир более века, Лара, и что же? Ты видишь какие-то улучшения в Хетаре или в Тере? – Калиг задал оправданный вопрос. – Стали смертные, что населяют эти земли, добрее, терпимее, внимательней друг к другу?

Лара отрицательно покачала головой.

– Я в отчаянии, – призналась она.

Принц рассмеялся и обнял ее.

– Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, любовь моя.

Калиг притянул фею к себе, и их губы слились в нежном чувственном поцелуе. Он почувствовал, как поцелуй вдруг снял с Лары все напряжение, и, вздохнув, она расслабилась и словно растаяла в его руках. Опустив ее на пестрые подушки, принц-тень стал расстегивать ряд маленьких жемчужных пуговиц, что сдерживали ее тунику. Губы его заскользили по светлой коже ее изящной шеи, спускаясь вниз к такой желанной ложбинке между грудей. Его язык проник между бледных нежных полусфер, кончиком языка он принялся ласкать их, вдыхая аромат прекрасной фрезии, который так нравился ей в последнее время. Он был в восхищении от своей возлюбленной. Как и всегда.

Лара уже тихонько мурлыкала от удовольствия, отвечая его ласкам. Они не были вместе несколько месяцев, и она уже не могла вспомнить, почему так произошло. Обняв его, она гладила его шею кончиками пальцев, все сильнее разжигая в нем нарастающую страсть. За свою жизнь она любила и других мужчин, достигая и эмоциональной, и физической близости, но не было таких, кто мог бы сравниться с великим принцем-тенью. Любовь Калига к ней была чиста и пылала неиссякаемым огнем, так же как и ее чувство к нему.

Он поднял голову, и их глаза встретились – его ясные синие и ее изумрудные.

– Я мог бы провести с тобой вот так целую вечность, – прошептал Калиг.

Лара улыбнулась.

– Мне бы тоже этого очень хотелось, но, боюсь, нам нужно внимательно следить за смертными, ведь Силы Тьмы стремятся вырваться за пределы Королевства Колла.

– У нас есть время, – улыбнулся он в ответ.

– Боюсь, что нет, – возразила Лара, но добавила: – Если только совсем чуть-чуть. А как же Кади?

– Сейчас она занята Даграсом, а после заснет у водопада, любовь моя.

Калиг говорил едва слышно, склоняя голову, стремясь коснуться ее манящих сосков, ощутить их вкус и вдохнуть аромат кожи. Лара вытянулась под ним, ощущая все его тело. Он потянул губами ее сосок, и дрожь возбуждения пробежала по ее спине и превратилась в непреодолимый жар между ее нижних губ. Его зубы сдавили такую чувствительную вершину соска, и Лара вздрогнула от удовольствия, предвкушая еще большее наслаждение.

Его рука гладила, с силой сжимала ее другую грудь, пальцы до боли сдавили сосок, и Лара изогнулась, ощутив, как наслаждение, словно ток, пронзило ее. Ее пальцы забрались в густую копну его темных волос и почти впились в кожу головы. Он снова прильнул к ее губам, и в страстном поцелуе их языки сплелись, затем она втянула ртом его язык. Чуть отстранившись, он начал поцелуями спускаться по ее телу, по груди и животу, в то время как ее пальцы нежно царапали разгоряченную кожу его спины.

Им овладела дрожь, когда ее палец нежно коснулся чувствительной ямочки над ложбинкой, разделявшей ягодицы. Его язык кружил вокруг ее пупка, кончиком касаясь его серединки. Затем Калиг стал спускаться еще ниже, в конце концов его голова оказалась между ее молочно-белых бедер. Язык его снова и снова медленно скользил меж ее сочных губ, вдоль заветного входа в наслаждение. Она издала тихий неопределенный звук, когда его язык в поисках самого желанного и соблазнительного проник в ее нежную плоть, блестящую влагой. Его язык кружил, затем резкими движениями стал ласкать и проникать в нее, пока ее тело не стало извиваться в порыве блаженства. Он держал ее бедра железной хваткой, и вот она уже стонала от вожделения, от желания ощутить его в себе.

Он поднял голову и встал на колени у нее между ног. Взяв свой большой, тяжелый ствол, он провел им вверх и вниз между истекающих соками губ, касаясь уже набухшей, полной желания плоти. Он прижал к ней кончик корня, с удовольствием наблюдая, как ее прекрасное лицо вдруг вспыхнуло жарким, нестерпимым желанием.

«Проси!» – приказал он ей на магическом языке. – Ты заставила меня ждать долгие месяцы, моя фея, или колдунья? Я не могу не наказать тебя за это, Лара, любовь моя».

«Наверняка ты удовлетворял свою похоть с другими», – так же беззвучно ответила Лара.

«Никогда!» – поклялся он. – С того момента, как я отдал себя тебе, ни сам я, ни какая-либо часть меня более не принадлежала другой. Ни в ком другом мне не найти блаженства, моя милая фея и жена», – горячо высказался он.

Она была удивлена. И даже более того, она была потрясена тем, что он произнес слово «жена». Да, они клялись принадлежать только друг другу сто лет тому назад, но принцы-тени крайне редко присваивают титул жены своим любовницам.

– О, Калиг! – воскликнула она. – Да! Да! Люби меня, мой обожаемый господин, мой муж из магического мира и мой любовник! Люби меня!

Он отвел корень от ее плоти и снова прильнул к ней губами, облизывая, втягивая ртом ее твердый бутон, пока она не вскрикнула. Тогда он встал над ней и сильным движением погрузился в глубину и влажный жар ее тесной пещерки. Калиг застонал от наслаждения, а ее сладострастные крики красноречиво говорили о ее чувствах. Он вонзался глубоко, остервенело, и Лара тихо вскрикивала, по ее щекам катились слезы от безумного наслаждения, которое один только Калиг мог подарить ей.

Они прижались друг к другу, почти сливаясь воедино. Их безграничное желание все возрастало, накаляясь с каждым яростным толчком его мощного корня. Они, казалось, оба не могли насытиться друг другом. Но постепенно, медленно их страсть приближалась к самому пику. Лара закричала, достигнув наивысшей точки наслаждения. Все закружилось у нее перед глазами, мир словно исчез. Ее бросило в дрожь, и так внезапно, что казалось, ее тело готово

было разорваться. Калиг стал громко, почти крича повторять ее имя, когда его соки вырвались и оросили ее заветные сады блаженства.

– Лара! Лара, любовь моя!

Затем пыл наслаждения стал медленно спадать, оставляя им обоим лишь сладостную слабость, кожу, влажную от пота, и удовольствие, которому не было предела.

Они проспали час, а когда проснулись, лениво потягиваясь, столик черного дерева, который они в пылу своих страстей лишь чудом не опрокинули, вдруг заполнился прекрасными яствами. На нем появились свежие устрицы во льду, сочный жареный каплун, который по их команде сам собой рассыпался на тонкие аппетитные ломтики, свежая спаржа под кисло-сладким соусом, еще теплый хлеб и масло. Калиг буквально набросился на устрицы и жадно съел почти все, хотя немного досталось и Ларе. Они с удовольствием ели тонкие кусочки каплуна. Лара дразнила Калига, обмакивая спаржу в пикантный соус и вызываясь облизывая кончик стебля. Она непристойно посасывала стебель, а увидев, что его мужское достоинство снова набирает силу, озорно засмеялась. Затем она кормила спаржей и его, нежно слизывая капли соуса, которые оставались в уголках его рта.

Как только они закончили трапезу, остатки еды исчезли, и на столе появилась чаша, полная клубники, и кувшин густых сливок. Калиг забавлялся в свое удовольствие. Он положил по ягоде на груди Лары и несколько выложил в линию от ложбинки до низа живота, затем налил на грудь аппетитных сливок. Он брал зубами ягоды и слизывал сливки, лаская языком ее грудь. Потом он сбрызнул сливками линию из ягод и одну за другой стал собирать губами сочные ягоды клубники, лежащие на ее трепещущем теле. Слизывая с кожи сливки, он спускался все ниже.

Когда этот сладостный ритуал был завершен, Лара заставила его встать. Опустившись перед ним на колени, она окунула его поднимающийся корень в кувшин, который чудесным образом снова и снова пополнялся содержимым. Сливки были густыми и обильно покрыли большое достоинство. Подобно кошке, Лара медленно, изящно и с явным удовольствием стала его облизывать. Заставив Калига шире расставить ноги, она опустила кувшин между ними, так чтобы сливки украсили теперь и его мешочки. Отставив кувшин, она расположилась так, чтобы можно было теперь слизывать с них лакомство.

Она закончила и села перед ним на корточки. Он встал возле нее на колени и повернул ее так, чтобы она тоже оказалась перед ним на коленях, но с приподнятыми ягодицами. Калиг взял Лару за бедра и стал вводить в ее жаркое лоно свой пульсирующий от нетерпения корень. Ее позиция позволяла ему проникнуть глубоко. Он доводил ее до иступления, заставляя стонать от возбуждения и неутоленного желания, умолять дарить ей наслаждение. Так же как и она, он изнывал от вожделения и наконец внял ее мольбам. Лара закричала от наслаждения, а принц заревел, как дикий зверь, когда они слились в едином неудержимом порыве страсти, одновременно достигнув ее наивысшей точки. Обессилив от взаимного и столь желанного удовлетворения, они в объятиях друг друга провалились в глубокий крепкий сон среди цветных подушек.

Проснувшись, Лара увидела, что Калиг безмолвно смотрит на нее. Его голубые глаза светились такой любовью, что она чувствовала себя совершенно покоренной. Небо было уже светлым, но они интуитивно чувствовали, что до рассвета еще есть время. Не обменявшись ни словом, они поднялись и, выйдя из шатра, направились к прозрачным теплым водам озера. Бледно-серое небо постепенно становилось светло-голубым, а затем и насыщенно синим. Из-за горизонта начинали показываться тонкие полосы света. Оттенки розового, золотистого, цвета персика и земляники проступали, словно акварели, на фоне проясняющегося неба. Калиг и Лара наблюдали, как показалось рубиновое солнце и на мгновение будто оросило кровью волнистые песчаные дюны пустыни.

– Я никогда прежде не видела песка кроваво-красного цвета, – тихо произнесла Лара.

– Это недавно появившееся и не вполне благоприятное явление, – ответил Калиг. – Мы не знаем, что оно означает.

Лара была удивлена.

– Но ведь принцы-тени знают все.

Калиг рассмеялся:

– Должно быть, я неверно выразился, любовь моя. Мы знаем, что оно предвещает пришествие зла, но мы не знаем, какого именно.

– Это зло – мой сын Колгрим, – ответила Лара. – В этом я уверена, милорд. Я должна вернуться в Теру и выяснить, что знает мой внук Амрен. Если в Хетаре что-то происходит, Амрен в курсе событий.

– Если только он слышал об этом, прежде чем покинул город, – сказал Калиг. – А мы из наших источников узнали, что Кадарн планирует заменить на должности посла своего дядю на брата Кадока.

– Но почему? Ведь Амрен служил Тере на совесть, – возмутилась Лара.

– Да, это так, но в последнее время под влиянием своей жены-хетарианки он стал брать взятки, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь. Кадарн не испытывает большого уважения к своему стареющему дяде. Он не доверяет ему, и не напрасно. Но Амрен достаточно умен для смертного, и чувствует, что доминус что-то задумал. Если у него будет шанс, то он останется в Хетаре, – стал рассказывать Калиг. – За годы, проведенные там, он очень сдружился с принцем-тенью Насимом и полностью доверяет ему. А твой внук доверяет немногим, но от Насима не скрывает ничего, тот же, в свою очередь, обо всем ставит в известность своих братьев.

Лара кивнула.

– Амрен как раз был в замке, когда я собиралась в путь. Если он все еще там, я поговорю с ним, милорд. Несмотря на то что ребенком его не подпускали ко мне, годы спустя он обратился ко мне за советом относительно ведения дел в Хетаре и представления интересов Теры.

Калиг закивал в ответ:

– Он уважает тебя. По крайней мере, так говорит Насим. Но кроме того, он еще и боится тебя, твоей магии, любовь моя. Насим позволил этому страху остаться в нем, считая, что это к лучшему.

Лара усмехнулась:

– Да, милорд, в этом он был прав.

Она нащупала под ногами мягкий песок, оттолкнулась и, подплыв к водопаду, встала под его хрустальные струи. Калиг присоединился к ней и, будучи не в силах устоять, обнял ее и поцеловал. На мгновение она вновь позволила себе растаять в его объятиях и стала с удовольствием отвечать его губам, но почти сразу же отстранилась и снова поплыла на мелководье, вышла из воды и дала утреннему солнцу высушить ее.

Калиг последовал за ней.

– Значит, ты возвращаешься, – сказал он.

– Да, – кивнула Лара. – Но я обещаю, что, когда узнаю то, что мне нужно, я вернусь в Шуннар. Он станет моим домом, которым должен был быть уже многие годы.

– Должен ли я возвести отдельный дворец для тебя, любовь моя?

– Ты любишь меня, милорд, и если считаешь возможным жить со мной вместе, то мне вполне достаточно будет своих покоев, не более. Если же ты предпочел бы жить по отдельности, то да, в таком случае тебе придется сделать это, – ответила Лара. – Я подчинюсь твоей воле в этом вопросе.

– Но не в других, – усмехнулся Калиг. – Я хочу, чтобы ты была поблизости, в своих прежних покоях, любовь моя. И у Кади тоже есть своя комната, если я не ошибаюсь.

– Возьми с собой в Шуннар Даграса, – попросила Лара. – С тех пор как его верный конюх умер, слуги доминуса перестали о нем заботиться. Я вернусь в Теру за необходимыми сведе-

ниями, а затем исчезну оттуда навсегда. Ничто больше не держит меня там. И было очень глупо с моей стороны не понять этого еще многие годы назад. Моих смертных детей уже не осталось. Кемина пережила Арика, но теперь оба этих религиозных дома распроданы и потеряли всякую ценность. Для меня ничего больше не значит монастырь ордена Дочерей Великого Создателя. О, Калиг! – Лара обратила к нему свой взор. – Почему я не осознала раньше, что мое время в Тере закончено? Я вела себя как наивный смертный, который не может смириться с переменами и из последних сил держится за прошлое.

– Но ты должна была сама решить это для себя, Лара, – сказал Калиг.

– Однако теперь боюсь, что я дала Колгриму преимущество, – ответила она.

Принц-тень покачал головой:

– Нет, любовь моя. Все идет так, как должно. Этим решением ты избавилась от последних черт смертного в тебе. Как только магический мир станет твоим домом, ты полностью обратишься в волшебное создание. Но это решение ты должна была принять только сама. И я рад, что ты наконец это сделала.

Они вернулись в шатер, где их с улыбкой ожидала Кади.

– Я принесла вам завтрак, госпожа, мой господин.

Она наколдовала белые шелковые мантии с вырезами и манжетами, отделанными тонкой золотой нитью и миниатюрными трансмутами, и улыбнулась, когда крошечные самоцветы засияли кристально чистым золотистым светом. Трансмутами назывались драгоценные камни, которые меняли цвет в зависимости от настроения хозяина. Их добывали в Изумрудных горах гномы, покровители самоцветов. По их цвету Кади видела, что и ее госпожа, и принц-тень были счастливы. Лара и Калиг устроились на подушках, чтобы позавтракать. В их трапезу входил сливочный йогурт, абрикосы, дыни и зеленый виноград, теплый хлеб с маслом и горячий сладкий чай светло-пурпурного цвета, заваренный из маленьких листочков деревьев лаконоса, что росли в Шуннаре. Их ягоды обладали пурпурным красящим веществом, и их использовали для придания цвета соскам. Сладкие плоды были очень желанны, так как содержали в себе еще и афродизиак.

– Сегодня я возвращаюсь в замок, – сказала Лара Кади. – Как только я выполню все, что мне предназначено, я навсегда покину Теру. Мы будем жить в Шуннаре. Ты можешь отправиться со мной или остаться с принцем Калигом. Даграса он возьмет с собой, а я вернусь с помощью магии.

– Я пойду с вами, – сказала Кади. – Я даже думать не хочу, что ваша матушка может сделать со мной, если я покину вас.

Лара не стала спорить. Она была рада, что ее верная служанка будет рядом. Тера и так была теперь для нее пустой и чужой и сулила лишь одиночество.

– Мы не задержимся там надолго, Кади, обещаю тебе.

Закончив завтрак, Лара вышла из шатра и направилась к Даграсу, который стоял в тени пальмовых ветвей, укрытый персональным шелковым навесом.

Великолепный белый жеребец поднял на нее глаза, оторвавшись от овса.

– Доброе утро, – поприветствовал он хозяйку. – Не прошло и дня, а вы снова выглядите умиротворенной.

– Пришло время мне покинуть Теру навсегда, – начала Лара.

– Хвала Великому Создателю! – воскликнул Даграс, потрянув головой.

Лара рассмеялась.

– Но сначала мне нужно еще раз вернуться туда, чтобы доделать важное дело. Затем я заберу свой верный меч Андрасте и посох Верику, и Шуннар станет моим домом. Я хочу, чтобы ты остался с принцем. На этот раз мы с Кади будем путешествовать посредством магии.

– Как скажете, госпожа, – ответил Даграс. – Вы, как всегда, приняли мудрое решение. Однако у меня есть просьба.

– Все, что пожелаешь, – кивнула Лара.

– Правнука моего первого конюха Джейсона зовут Леоф. Он еще совсем мальчик. Он пытался ухаживать за мной, когда умер мой прежний конюх. Но те, кто был старше, позавидовали и прогнали его, хотя никто из них сам не хотел заботиться обо мне, так как они меня боялись, ведь я принадлежу к магическим существам. Леоф умудрялся тайком пробираться в конюшни и приносил мне яблоки и морковь, но в последний раз старший конюх поймал его и жестоко избил. Я пообещал мальчику, что если когда-нибудь покину Теру навсегда, то возьму его с собой, моя госпожа. Не возьмете ли вы его с собой по возвращении в Шуннар?

– Даю тебе слово, Даграс. И именно он будет заботиться о тебе. Ог обучит его всему, что нужно знать. Смертные дети великана выросли и предпочли кочевой образ жизни обитателей пустыни. Жена его давно умерла. Так что Леоф будет для него хорошей компанией. А что с семьей мальчика? Разве он им не нужен?

– Он был младшим среди своих братьев и сестер. Джейсон был уже довольно стар, когда он родился, и умер, когда мальчику исполнилось пять лет. Я помню, как он приводил Леофа с собой в конюшни. Конечно, он сам тогда уже не заботился обо мне, но придирчиво наблюдал, как это делали другие. И он начал обучать мальчишку. Но с тех пор, как Джейсона не стало, все изменилось. Мальчика прогнали. А семья у него большая. Не думаю, что им будет его не хватать.

– Тогда не вижу препятствий, чтобы он мог уехать с нами. Его, так же как и всех в замке, предостерегали бояться меня? – спросила Лара.

– Нет, его дед рассказывал ему, как вы добры, и я убеждал его в том же.

– Я попрошу Кади найти его и привести ко мне. Однако сделать выбор, отправиться с нами или остаться, он должен сам, Даграс. Ты ведь понимаешь это, не так ли?

– Да, конечно. Но он непременно согласится, – с уверенностью ответил конь.

– Тогда я оставляю тебя принцу Калигу, мой верный друг.

Лара похлопала его по холке, ласково погладила бархатную морду и поторопилась отыскать Кади.

Служанка убирала со стола. Увидев хозяйку, она улыбнулась.

– Вы уже готовы? – спросила она и взмахнула рукой. Грязная посуда исчезла.

Лара кивнула и позвала:

– Калиг, мы отправляемся.

Принц мгновенно оказался возле нее, обнял ее за талию и притянул к себе. Она легко и с удовольствием поддалась.

– Не задерживайся там, любовь моя, – попросил он, почти касаясь ее губ своими.

Приподнявшись на цыпочки, фея нежно погладила его волевым подбородок.

– Хорошо, – пообещала она.

Принц-тень улыбнулся, глядя в ее волшебные зеленые глаза, и отпустил.

Взмахом руки Лара открыла Золотой туннель, который жители магического мира нередко использовали для перемещения из одного места в другое. Едва войдя в него, Лара и Кади поспешно окунулись в воронку, кружащую и уносящую их. Туннель закрылся, как только они исчезли, и появились в маленькой комнате, в лаборатории Лары, в которой не было ни единого окна и которую она использовала для магии. Лара осмотрелась и взглянула на Кади.

– Собери эту комнату и отправь в Шуннар. А потом присоединяйся ко мне, я буду у себя, – велела она служанке.

Выходя из лаборатории, она услышала, как Кади уже тихонько произносит заклинания, которые оставят это место совершенно пустым, каким оно не было уже больше ста двадцати лет. Она вдруг осознала, что не испытывает здесь больше никакой печали, и слегка улыбнулась. Встретив по пути в свои апартаменты стражника, она спросила:

– Принц Амрен еще в замке?

– Да, моя госпожа.

– Передай ему, что бабушка в своих апартаментах ждет его, – попросила Лара.

Надо отдать должное вооруженному охраннику – он учтиво поклонился.

– Сию минуту, моя госпожа, – ответил он.

Лара улыбнулась и поторопилась в свои комнаты. Внутри было пусто, так как ей служила теперь только Кади. Фея осмотрелась. Вокруг царили чистота и порядок, но веяния любви, ощущения жизни здесь больше не было. Она покачала головой. Будто прошла целая вечность с тех пор, как она покинула Теру. Воспоминания уже давно поблекли, оставив лишь легкую грусть. И почему она не замечала этого прежде?

Она вдруг почувствовала, что кто-то приближается, и быстро повернулась. Дверь в ее апартаменты распахнулась, и на пороге появился ее внук Амрен.

– Входи, милорд, – приветливо пригласила она. – Присаживайся. Мы должны поговорить о делах, которые напрямую касаются тебя.

Подойдя к буфету, Лара налила внуку и себе по бокалу красного вина. Она протянула бокал Амрену и села напротив него.

– О каких делах? – спросил он, взяв из ее руки бокал и кивнув в знак благодарности.

– Доминус Кадарн планирует отправить тебя в отставку и поставить на эту должность своего брата Кадока, – без лишних слов сообщила она.

– Откуда вы знаете? – Амрен был удивлен.

Тонкие темные брови Лары приподнялись.

– Вот как! Милорд, почему ты задал мне такой вопрос? Или думаешь, если тебя научили бояться меня и игнорировать мою сущность, то от этого мои волшебные силы ослабеют? Когда что-то тревожит меня, я считаю своим долгом узнать все, что мне необходимо.

– Должно быть, вы ошибаетесь, бабушка, – сказал Амрен, но голос его звучал не слишком уверенно. – Я с юности служил Тере, отдавая все силы.

– Да, Амрен, это так. И твой отец, и дед гордились бы твоей преданностью Тере.

Лара подумала, что Амрен все еще оставался привлекательным мужчиной. Сколько ему лет? Семьдесят? Да, наверное.

Ему было приятно слышать ее слова, и Лара заметила это, но затем он спросил:

– А вы гордитесь мной, бабушка?

Лара рассмеялась:

– Думаю, по-своему – да, Амрен.

– Тогда чего же вы от меня хотите? – откровенно спросил он.

Лара снова засмеялась.

– Ты стал настоящим хетарианцем, – сказала она. – Впрочем, ты прав. Услуга за услугу, не так ли, Амрен?

Теперь усмехнулся он.

– Да, так любят говорить в Хетаре, – согласился он. – А истина в том, что большую часть жизни я прожил в Хетаре. Моя жена оттуда родом, и наши дети.

– Ты останешься в Хетаре, когда доминус сместит тебя? – хотела знать Лара. – У тебя есть дом в городе и еще один в одной из провинций Дальноземья. Я сомневаюсь, что твоя жена согласится жить в Тере.

– Я не думал, что буду лишен своей должности, – медленно произнес Амрен. – Вы же знаете, как важен статус в Хетаре. А статус экс-посла далек от положения посла. Но Кларинда действительно будет несчастна здесь, в Тере, и мы не сможем радоваться нашим внукам.

– Доминус не захочет слышать ничего из того, что я должна ему сказать, но я смогу вложить в его голову мысль о том, чтобы создать для тебя новую должность. Ты будешь Торговым уполномоченным Теры. У тебя непременно будет возможность получать неплохую мзду на таком посту, Амрен.

Лицо посла побагровело, и она увидела, что он готовится отчаянно опровергнуть ее слова. Лара лукаво улыбнулась:

– Не утруждайся отрицать это, дорогой внук. Разве я не говорила, что я нахожу то, что хочу найти? И узнаю то, что хочу узнать? Я не просто хорошо осведомлена о пороках и слабых сторонах Хетара, я там родилась и провела ранние годы в городе. Ты знал, что твой прадед Джон Быстрый Меч продал меня в рабство, чтобы заполучить регалии, необходимые для участия в турнире, в котором он заработал себе место среди Доблестных Рыцарей. Гай Просперо, который позднее стал императором Хетара, купил меня тогда. Он планировал устроить частный аукцион среди владельцев Домов удовольствий, на котором собирался извлечь из меня неплохую выгоду. Но, увы, меня сочли слишком красивой, и гильдии решили, что от меня будет больше проблем, чем пользы. В итоге вместо этого меня отправили вместе с караваном торговцев Рольфа Честная Сделка, который должен был продать меня за пределами города. Именно с этого момента я стала доверять собственной судьбе и постепенно узнавать, кто я есть, Амрен. Так что я хорошо знаю Хетар. Очень хорошо.

– Я не знал ничего этого, – медленно проговорил Амрен. Он был крайне удивлен такими открытиями. – Вы рассказывали мне о Джоне Быстрый Меч еще перед моим первым визитом в Хетар. Его до сих пор очень чтут. Он ведь погиб в каком-то сражении, не так ли?

– Да, это была великая битва, – сказала Лара. – Я сама участвовала в ней.

Амрен открыл рот в изумлении.

– Но ведь вы женщина, – выдохнул он.

Загадочная улыбка скользнула по лицу Лары. *«Андрасте! Ко мне!»* – позвала она свой меч на безмолвном языке. Меч резко взмыл над высоким каменным очагом, где хранился, и через мгновение оказался у нее в руке. Это был прекрасный образец оружия. Широкое лезвие и гладко отполированная сталь. Золотой эфес палаша венчала женская головка с глазами из рубинов.

– *Я Андрасте, и я пою хвалу победе*, – пропел меч. – *Приветствую тебя, внук великого Магнуса Хаука.*

– Он разговаривает! – воскликнул Амрен. – Что это за трюк?

– Уверена, ты и раньше знал, что мой меч может говорить, – с ироничной улыбкой сказала Лара.

– Это было лишь легендой, детской сказкой, и не более того.

– Большинство детских сказок, вроде этой, происходят от реальных фактов, милорд, – усмехнулась Лара. – Очевидно, теперь ты веришь, что я владею магией. Ведь ты не можешь отрицать того, что видел собственными глазами?

Амрен покачал головой:

– Нет, не могу. Так все это правда, бабушка?

– Я не знаю всего, что ты слышал, но возможно, да. Позволь мне рассказать тебе о Битве за город, прежде чем я раскрою тебе то, что хотела. Повелитель Сумерек Колл, который в то время правил Темными Землями, собрал огромную армию, состоявшую в основном из вольфинов, но были там и прочие существа Тьмы. Они стремились завоевать Хетар и уже разорили Центроземье. Теперь они были на подступе к городу. Удары их стенобитных орудий не смогли даже пошатнуть великие ворота, так же как их огненные катапульты не пробили той защиты, что принцы-тени наложили вокруг города. Солдаты Хетара стояли у стен своей столицы и с презрением смеялись над вольфинами. А затем, когда все было готово, мы открыли ворота города и наша армия выступила, чтобы встретить врага лицом к лицу, выдвинулась огромная платформа и закрыла собой ворота. С нее за надвигающейся битвой наблюдал император Гай Просперо и представители высших чинов Хетара. Я собственноручно убила военачальника армии Колла вольфина Хролейфа. Когда другой вольфин увидел это, они взвыли от горя, но очень скоро бой возобновился. Земля у города была омыта кровью. Когда все враги

были мертвы, небеса разверзлись, и полил ливень, очищая землю. Когда дождь прекратился, от того, что здесь кипела битва, не осталось и следа, и кровь и тела исчезли. В тот день погибло столько же хетарианцев, если не больше, сколько и жителей Теры, так что Хетар был нам многим обязан. Помни это, Амрен. Однажды в незапамятные времена Тера помогла спасти Хетар. Держу пари, об этом не рассказывают юным хетарианцам, впрочем, нет этого уже и в истории Теры. Так вот, более века тому назад, вскоре после того, как твой дед, Магнус Хаук, погиб, магический мир еще раз спас хетарианцев от их собственной недалёковидности, когда одна из дочерей Колла попыталась соблазнить смертного ради своих коварных целей и погрузить Хетар и Теру во Тьму. Твой отец тогда был еще ребенком, и я была королевой теней до тех пор, пока он не повзрослел и не взял бразды правления в свои руки. В течение десятилетий оба государства были тесно связаны между собой... Теперь о том, чего же я хочу от тебя, милорд. За все то, что ты узнал от меня сегодня, я хочу, чтобы ты стал моими глазами и ушами при дворе Верховного Правителя. Благодаря новому посту, который ты займешь, чтобы не потерять свой статус в Хетаре, ты по-прежнему будешь вхож в это общество. Я хочу знать о каждом слухе, каждой сплетне, что ты услышишь при дворе, даже если сам сочтешь их несущественными. Я приняла это решение, Амрен.

– А разве мое кровное родство с Верховным Правителем не обеспечит мне доступ ко двору вне зависимости от моей должности и положения? – спросил Амрен, но тут же сам ответил на свой вопрос: – Конечно нет. Глупо было подумать такое. Вы просите не слишком много за то, что дали мне, бабушка. Отчего?

Лара снова засмеялась:

– Я фея, Амрен.

– Я ничего не понимаю в магии, – признался он.

– Это действительно так, – вздохнула она. – Неужели ты не веришь тому, что видел собственными глазами, внук мой? – спросила Лара. – Мой меч способен говорить, так как в нем живет могущественный дух сражений. Верика, ко мне, – снова громко позвала она, и ее посох буквально подлетел к ее вытянутой руке. Она повернула его так, чтобы внук мог видеть лицо человека с бородой, вырезанное на посохе. – Верика, пожалуйста, поприветствуй моего внука Амрена.

– Я знаю, кто он, – сказал Верика. – Он единственный из детей доминуса Таджа, кто в конце концов стал общаться с вами, и то лишь потому, что нуждался в ваших знаниях. – Горящий взгляд Верики был направленна Амрена. – Разве не так, Амрен?

Посол кивнул. Он был уже чуть менее напуган, чем когда Андрасте заговорила своим глубоким грозным голосом. Затем он посмотрел на Лару:

– Меч говорит, и посох тоже, но эта магия заключена в них самих, но не в вас.

– Значит, ты должен непременно увидеть, чтобы поверить, – усмехнулась Лара. – Арал, превращение! – И вдруг маленькая яркая птичка запорхала по комнате. – Теперь веришь?

Амрен не обратил внимания на птицу.

– Где вы? – Он отмахнулся от птахи, что вилась над его головой, слегка ударив ее.

– Арал, превращение!

Амрен снова услышал голос, и перед ним вдруг уселась огромная золотистая кошка. Посол отпрянул, искренне напугавшись, а когда кошка положила свою большую лапу ему на плечо, глаза его стали еще больше. Он не мог пошевелиться и полагал, что ему пришел конец. Он пытался заговорить, но ни единого слова не вырвалось из его горла, которое свело от страха. Затем он к своему ужасу заметил, что у кошки были зеленые глаза. Волшебные зеленые глаза! Он почти задышался от изумления и испуга.

– Лара, превращение! – Амрен снова услышал голос бабушки, и она тотчас оказалась перед ним, а рука ее все еще лежала на его плече. – Теперь ты веришь, внук?

– Вы можете менять обличье, – сказал он, постепенно обретая дар речи. – Я слышал об этом.

– Пойдем! – сказала Лара, взяв его за руку, а другой рукой в это время открыла Золотой туннель и повела его за собой.

– Куда мы направляемся? – заметно нервничая, спросил Амрен. – Что это за место?

– Это проход, который позволяет попасть, куда бы мы, волшебные создания, ни захотели, – ответила его бабушка, когда они уже вышли из туннеля и оказались в оазисе. – Это Зирун. Если скакать верхом, то за день можно добраться отсюда до дворцов принцев-теней. Ты был когда-нибудь в Провинции пустынь?

– Нет, я бывал только в городе, в Центроземье и в Новом Дальноземье, – неторопливо перечислил он. – Но как мне убедиться в том, что все это не пустая мистификация, которую вы устроили для меня? – не унимался Амрен.

– Отправить тебя домой, в город, внук? Ты готов вернуться?

– Нет, вы не можете сделать этого. Я еще должен увидеть доминуса. – В его глазах вдруг блеснул лукавый огонек. – Но если я не приду к нему, он не сможет уволить меня, не так ли?

– Сможет, – усмехнулась Лара. – Он просто пришлет тебе оповещение о твоей отставке, Амрен. Но если сейчас я отправлю тебя в город, ты сможешь подготовиться к грядущим переменам свою жену, Кларинду. Говори ей только то, чего не можешь не сказать. Не доверяй никому, кроме принцев-теней, которые там именно для того, чтобы помочь тебе и мне. Но даже не пытайся предать меня, Амрен. Если ты сделаешь это, я превращу твою жизнь в кошмарный хаос, поверь мне, я способна на это.

Он кивнул:

– Я все понимаю, бабушка. Я буду хранить вам верность, ведь вы были ко мне так добры и справедливы, несмотря на мое... – Он замешкался.

– Твое невежество? – предположила Лара.

– Да, мое невежество, – усмехнулся Амрен.

– Тогда в путь.

– Подождите! Как я смогу связаться с вами? – спросил он.

– Как следует запомни следующие слова: *«Бабушка, бабушка, услышь мой глас. Оставь насущное, приди ко мне сейчас»*. Произнеси их, и я тотчас приду к тебе.

– Я запомню, – сказал он.

– Вот и замечательно. Что ж, прощай, милорд Амрен, – сказала Лара. Она отправила его назад, произнеся магические слова: – *Амрен, в свой город возвратись, я призову тебя, когда ты будешь нужен*.

Внезапно посол Теры обнаружил себя в своих покоях в собственном доме, в Золотом районе города. Он был ошеломлен и, чтобы убедиться, что все это не сон, даже ущипнул себя.

– Ай! – воскликнул он.

Нет, это был не сон. Какое поразительное чудо произошло с ним только что! Он воочию наблюдал волшебство. Теперь он уже не сможет отрицать его существование, однако признаться в этом вслух он тоже не посмеет. Ведь в таком случае его сочтут дураком, и его карьерный рост и значимость сойдут на нет. И все же магия действительно существовала и была так реальна!.. Кто знает, какое вознаграждение может он получить от своей бабушки, если будет сотрудничать с ней. Она же попросила совсем немного – лишь доносить ей обо всех сплетнях, что он услышит при дворе и в городе. А посол Теры Амрен всегда о каждой сплетне узнает первым.

Глава 3

Лара вернулась в замок доминуса. Кади ждала ее.

– Что вы хотите взять с собой, госпожа? – спросила она.

Лара осмотрелась.

– Только свои личные вещи.

– А портрет Магнуса Хаука? – поинтересовалась Кади.

Лара отрицательно покачала головой:

– Нет, у меня есть его миниатюра. Большой портрет, что висит в моей комнате для отдыха, я передам доминусу Кадарну. Найди мне нескольких охранников, чтобы доставить его.

Служанка отыскала двух сильных молодых стражников и привела их к госпоже.

– Отнесите большой портрет доминуса Магнуса Хаука доминусу Кадарну, – велела Лара.

Лара указала на большое полотно на стене. Она сделала движение рукой, и картина в богато украшенной резной позолоченной деревянной раме снялась со стены. Она поманила пальцем портрет Магнуса, и тот повис в воздухе прямо перед ней. Затем, повернув ладонь, Лара дала знак картине опуститься.

– Вот так, – сказала она охранникам, что смотрели на происходящее, ошарашенно раскрыв рты. – Теперь можете доставить портрет доминусу и передайте ему мое почтение.

– И не стойте здесь разинув рты, – добавила Кади. – Делайте что приказано.

Ошеломленные стражники подняли портрет и вынесли его из апартаментов Лары.

– Вы могли бы просто переместить его на нужную вам стену, вместо того чтобы заставлять этих двух гигантов пробираться с ним через весь замок, – сказала Кади.

– Ты видела реакцию этих двух молодых людей, когда я сняла картину со стены. Их вырастили, обучая не верить в волшебство. Представь себе, что я просто наколдовала бы появление картины на другой стене. Никто бы не заметил этого. Я хотела, чтобы эти двое сами увидели мою магию. А теперь я отыщу своего правнука и постараюсь, чтобы и он признал существование волшебных сил, – сказала Лара служанке.

Кади рассмеялась:

– Это поколение смертных жителей Теры глубоко ранило вас, не так ли, госпожа?

Лара печально улыбнулась.

– Их категорический отказ верить в магию действительно очень раздражает, – призналась она. – Когда Тадж достиг зрелости и сам начал править, я, кажется, на какое-то время потеряла интерес ко всему. Я проводила время с матерью, с Калигом, то оставалась в Зируне, то ненадолго появлялась в городе, когда была нужна Загири. Я стала благодушной, потеряла бдительность, и в это время семейство Магнуса умудрилось вернуть Теру в ее прошлое. Они не отлучили меня отдел, так как слишком меня боялись. Они просто почти ни во что меня не посвящали, а мои путешествия только способствовали этому. – Фея вздохнула. – Я позволила волшебству погибнуть в Тере, а они лишь усугубили ситуацию. Я не в силах изменить того, что уже в прошлом, но прежде, чем уйти, я предоставлю своему правнуку порцию волшебства, так что даже если он и в будущем предпочтет игнорировать магию, то, во всяком случае, уже не сможет отрицать ее существование. – Она осмотрела свои апартаменты. – Нет, здесь больше нечего взять, кроме того, о чем я уже распорядилась. Отправь все это в Шуннар, Кади. И следом отправляйся туда сама. Я же вернусь после того, как поговорю с доминусом.

– Хорошо, госпожа. И еще кое-что, прежде чем я уйду, – сказала Кади. Она взмахнула рукой, и Лара вдруг оказалась одетой в золотые и серебряные одеяния. – Смертные полагают, что чрезвычайно важно первое впечатление, но я верю, что последнее имеет не меньшую значимость. Доминус не оказал вам должного уважения, моя госпожа. Сегодня он сделает это.

Лара прошла через всю комнату к большому зеркалу. Она смотрела на ручную работу своей служанки. В платье сочетались золото и серебро, обработанные и переплетенные так тонко, словно это был превосходный муар. Платье было без рукавов, а лиф его был украшен маленькими разноцветными драгоценными камнями красного, синего, зеленого, желтого, лавандового, розового цветов и несколькими прозрачными. V-образный вырез был специально продуман, чтобы была видна золотая цепочка Лары с кристаллом – вместилищем ее духа-хранителя Этне. Начинаясь под грудью и до пола, элегантно развевалась юбка, вся в маленьких узких складках. Накидка из нитей чистого золота была закреплена на плечах Лары изящными золотыми эполетами, украшенными изумрудами. При ходьбе она развевалась за ней. Длинные золотистые волосы Лары свободно рассыпались по плечам и спине, а спереди были собраны золотым венком тонкой работы с крупным изумрудом строго посередине. На ногах ее были серебряные бальные туфли.

Лара улыбнулась, довольная тем, что видела в зеркале. Казалось, ее образ придавал ей новые силы. Много лет прошло с тех пор, как она в последний раз позволила себе выглядеть настоящей феей, каковой всегда являлась. Она кивнула Кади, выражая свою благодарность.

В последний раз оглядывая покои, в которых провела так много лет, Лара прошла через все комнаты и вышла в коридор. Едва ли она когда-нибудь вернется сюда.

На мгновение она закрыла глаза, чтобы увидеть, где сейчас находится доминус. Увиденное вызвало у нее улыбку. Он был в тронном зале, окруженный немногочисленными придворными, рядом с ним была его жена, домина Паулина.

– Доложите о моем прибытии, – попросила она достойного пожилого дворецкого, стоявшего у дверей зала, – скажите «домина Лара».

Дворецкий молча вошел в двери. Он гулко стучал по полу своим посохом с серебряным набалдашником, который полагался ему по должности.

– Домина Лара, вдова доминуса Магнуса Хаука, дочь королевы, входит в зал, – зычно объявил дворецкий. Затем, повернувшись к Ларе, совсем тихо, так, чтобы могла слышать только она, промолвил: – Я внук Амписка, госпожа. Я помню то, о чем другие предпочитают не вспоминать.

Учтиво поклонившись, он отошел в сторону, чтобы Лара могла пройти в великолепный зал. Его слова растрогали ее.

– Мои волшебные благословения вам, внук Амписка, – прошептала она, проходя мимо него.

Ампикс был когда-то первым секретарем Таджа. Толпа, заполнявшая тронный зал, расступилась, пропуская Лару. Ее накидка мерцала, скользя за ней. Лара видела взгляды и слышала шепот смертных, вдоль которых проходила. Приблизившись к подножию трона, она низко поклонилась своему правнуку.

– Приветствую вас, доминус Кадарн, сын Амхара, внук Таджа, правнук Магнуса Хаука. – Голос Лары ласкал слух.

– Приветствую, прабабушка, – ответил он. Ему было странно обращаться к ней таким образом, ведь она была так молода и прекрасна, что казалось, будто ей нет и тридцати. Его прабабушка должна была бы быть сгорбленной и весьма древней. Нет! Она давно уже должна была умереть!

– Я прибыла, чтобы поздравить вас, милорд Кадарн, – ответила она.

– Поздравить меня? – Кадарн выглядел искренне озадаченным. – Чем же я заслужил вашей похвалы, моя госпожа?

– Я считаю выдающимся ваше решение направить вашего младшего брата Кадока в Хетар в качестве нового посла Теры, так же как и ваше постановление, которым вы присвоили вашему дяде Амрену новую должность Торгового уполномоченного Теры при Верховном Правителе. Благодаря вашему блестящему уму, милорд, Тера приобрела особый статус в Хетаре. И я очень

надеюсь, что вы примете мои поздравления. Я же, наконец, чувствую, что могу спокойно покинуть Теру. – Она улыбнулась, посмотрев на него.

Он был потрясен. Осмотрев всех присутствующих, он увидел, что все они замерли в странных позах.

– Что вы сделали? – обеспокоенно спросил он.

– Предоставила нам возможность поговорить с глазу на глаз. Нас никто не услышит, а когда мы закончим, ни один из них даже не заметит этой маленькой паузы, – тихо сказала Лара Кадарну Хауку.

Доминус тяжело осел на троне.

– Я никому не сообщал о своем решении направить Кадока в Хетар, – сказал он. – Откуда вы узнали?

– Ты никогда не верил ни мне самой, ни в мою силу, ни в мой мир, Кадарн. Но это не значит, что всего этого не существует. Мы существуем. Ты был прав в своем решении сместить Амрена. Он провел в Хетаре большую часть жизни и теперь уже скорее хетарианец, чем теранин. Он достиг того возраста, когда пора обеспечить себе материальный достаток, ибо именно материальное благосостояние имеет в Хетаре особую значимость. Но несмотря ни на что, он служил тебе верой и правдой. Поэтому ты и дал ему новую должность. Он сохранит свой статус в Хетаре, утвердит положение Теры и, помимо прочего, не принесет никакого вреда, будучи агентом по торговле.

– И сможет продолжать брать взятки, – с ироничной улыбкой добавил Кадарн. Однако улыбка тут же исчезла. – Я не люблю, когда мне говорят, что делать, моя госпожа. И мне не нравится, что какая-то женщина принимает за меня решения. Но вы чертовски умны. Вы пошли хитрым путем, преподнеся все это так, словно я уже предпринял эти действия. Что ж, я согласен.

– Благодарю, – тихо сказала Лара.

– Вы сказали, что покидаете Теру? В связи с чем? И куда вы отправитесь? – стал спрашивать доминус Кадарн. – Я знаю, нас никогда не связывали близкие отношения, но нас роднит общая кровь. Во имя Магнуса Хаука я должен быть уверен, что вы в безопасности и что о вас есть кому позаботиться, моя госпожа.

На Лару был устремлен взор бирюзовых глаз, таких же, как у ее последнего мужа.

– Я отправляюсь в Шуннар, во дворец принца-тени Калига. Мне нужно было оставить Теру еще много лет назад, но, видимо, тогда я не могла заставить себя сделать это, несмотря на многочисленные перемены, которые вызывали у меня лишь презрение и отвращение. Калиг – мой спутник жизни, а Шуннар всегда был моим настоящим домом. Я буду в полной безопасности в своем магическом мире, Кадарн. Но я очень тронута, что ты побеспокоился о моем благополучии.

– Я слышал, вы и прежде упоминали этого принца-тень, моя госпожа, но ведь принцы-тени лишь легенда. И если даже когда-то они и существовали, то не теперь, – сказал Кадарн.

Лара изумленно покачала головой:

– Кадарн, посмотри вокруг. Твои придворные стоят без движения, словно парализованные. Я остановила время. Ты видишь волшебство и не веришь в него? Или ты ослеп, мой самый смертный из потомков? Как ты объясняешь хотя бы самому себе свою прабабку, которая выглядит, как юная девушка? Какое оправдание ты находишь всему этому? Ты думаешь, все происходящее лишь сон, доминус Теры?

Из вежливости он изобразил смущение, но уже через мгновение ответил:

– У меня нет необходимости объяснять и оправдывать все это, моя госпожа. Да, возможно, это сон.

А если вы действительно собираетесь уйти, то все станет лишь проще, так как никто не будет больше шептаться о вашей внешности, противоречащей возрасту, не будет этих суевер-

ных толков о чем-то, что похоже на волшебство. Никто здесь по большому счету не знает вас. Жена Магнуса Хаука скорее миф, чем правда.

Лара покачала головой:

– Ты глуп, Кадарн. Твой прадед был уникален в своем беспристрастии и неограниченном уме, каким не обладал ни один житель Теры ни до него, ни после. Во времена правления Магнуса Хаука Тера переживала свою золотую эпоху. Однако те, кто не мог и не хотел допустить перемен, разрушили все, ради чего мы с ним трудились, Кадарн. От нашего мира не осталось и следа, и я скорблю. Когда-то Тера была наполнена Светом. Но ты позволил истощению, коррупции и упадку проникнуть сюда из Хетара. Ты ни во что не веришь. Мне жаль тебя.

– Госпожа, – прервал он ее. – Мне кажется, вы больны. Вернитесь в свои апартаменты, я пришлю к вам доктора.

Лара рассмеялась:

– О нет! – Она повернулась к присутствующим и легким взмахом руки вновь привела все в движение. – Дамы и господа, уважаемые жители Теры, – обратилась она к ним, всматриваясь в их любопытные лица. Мужчины восхищались ее красотой. Женщины – ее богатым одеянием. – Ваш доминус не верит собственным глазам. Он утверждает, что в вашем мире нет места магии и что принцев-теней не существует. Он ошибается. Так узрите же правду! *Принц Калиг, услышь мой глас, приди сквозь стены, чтоб увидеть нас!*

Великий принц-тень вдруг шагнул из стены зала и подошел к Ларе.

– Время пришло, любовь моя? – спросил он ее.

– Да, время пришло. Позволь сначала уйти мне, ты же последуешь за мной. Эти глупцы не верят в магию, и мне хотелось бы оставить их с чем-то, что их глаза не смогут отрицать, милорд.

Среди мужчин и женщин в зале прошел гул потрясения. Они не отрывая глаз смотрели на высокого мужчину с темными волосами и ярко-голубыми глазами в роскошном и в то же время строгом одеянии. Все они видели, как он вышел из стены. Как такое могло произойти? Может, это какой-то трюк чародея из Хетара?

Лара снова обернулась и посмотрела на своего правнука:

– Теперь я покину вас, милорд доминус. Я не оставлю Теру, но, возможно, ты меня больше не увидишь, Кадарн Хаук. Ты можешь найти любое оправдание той магии, которую только что видел, но она существует. – Фея посмотрела на жену Кадарна. – Мое волшебное благословение вам, домина Паулина! – сказала Лара мягким добрым голосом. – А теперь прощайте!

Раздался раскат грома. Лару окутало густое облако лавандового аромата. Когда оно рассеялось, фея исчезла из тронного зала замка.

Присутствовавшие теране все в один голос ахнули, стараясь отыскать ее.

– Прощайте, доминус, – сказал Калиг.

Театрально взмахнув плащом, исчез и он.

Кадарн Хаук обратился к слугам в зале:

– Немедленно откройте окна! Воздух был отравлен, и мы видели то, чего не существует. – Затем он по вернулся к жене: – С тобой все в порядке, Паулина? – заботливо спросил он.

Домина молча кивнула. Ее муж мог отрицать то, что они видели, но не она. Будучи добродетельной женой, она оставила свои мысли при себе.

Вместе с Калигом наблюдая с небес, Лара слышала мысли домины и лукаво улыбалась. Затем они вместе появились в Шуннаре.

– Добро пожаловать домой, любовь моя, – сказал он, сжимая Лару в объятиях и нежно целуя. – Мои братья планировали организовать сегодня званый ужин в твою честь.

– Будет ли это похоже на мой первый званый ужин, что я посетила здесь? – поддразнила она его.

– Если это доставит тебе удовольствие, то да.

– Я истощена, Калиг, и потеряла интерес к жизни. Мне нужно вернуть доверие к людям, которое когда-то было мне свойственно, – сказала Лара. – Смертные очень утомляют, и все же я не теряю веры в них.

– Ты моложе меня, любовь моя, но это хорошо, что ты все еще способна верить, – сказал он. – Я обещаю не ревновать сегодня, так как в конце вечера ты будешь только моей.

– Клянусь тебе в этом! – сказала Лара. – А сейчас мне нужно удалиться и отдохнуть, Калиг.

Она покинула его, пройдя через сад, перегороженный изгородью, которая отделяла их покои друг от друга. День был теплым, и благоухание цветов наполняло воздух. Кади уже ждала ее.

– Вы выглядите утомленной, – сказала служанка.

– Я действительно устала. Я отдохну немного, а затем приму ванну. Принцы-тени хотят провести званый ужин сегодня в честь моего возвращения. После трапезы мы будем предаваться удовольствиям. Непременно приходи и присоединяйся к нам. Они великолепные любовники.

– Я приду, – согласилась Кади. – Я никогда не знала ласк принца-тени. Если их репутация не пустые слова, то это, должно быть, будет фантастически приятный вечер, госпожа. Я оставила возле вашей постели немного прохладного ягодного коктейля. Что вы наденете на ужин?

– Просто белое шелковое платье, – ответила Лара.

Она налила коктейля в чашку, которая стояла рядом с графином, и сделала глоток. Сбросив свои изысканные одеяния, Лара легла на кровать и сразу же уснула. Проснувшись только через несколько часов, Лара увидела через открытую колоннаду, что уже спускались сумерки. Томно потянувшись, она позвала Кади, и ее фея-служанка в мгновение ока оказалась рядом.

– Служители ванн ждут вас, госпожа.

Лара поднялась. Она была полностью обнажена, но ни сама ее, ни Кади ничуть не смущала ее нагота.

– Так хорошо я не спала с тех пор, как в последний раз была в Шуннаре, – отметила она с улыбкой. – Я думаю, это благодаря поразительной тишине. – Затем Лара прошла в свою ванную комнату и поприветствовала уже знакомую ей прислугу. – Как приятно быть дома, – сказала она.

И неожиданно для самой себя она вдруг осознала, что Шуннар действительно был для нее домом.

Главная служительница ванной комнаты, улыбаясь, подошла к ней.

– Вам пора было возвратиться домой, госпожа Лара, – любя будто бранила она ее. – Давно пора было, что уж греха таить.

Она собрала волосы Лары и заколола их высоко на голове. Затем она подвела ее к углублению в мраморном полу, сделанному в форме морской раковины, взяла намыленную губку и начала тереть фею. Когда Лара была уже покрыта мыльной пеной, женщина взяла щетку, похожую на изящный скребок, и стала снимать с кожи мыло и грязь.

– Похоже, вас не слишком тщательно мыли в Тере? – спросила женщина.

– Подобных ванн нет ни в Тере, ни в Хетаре, – сказала Лара.

– И как они при этом могут называть себя цивилизованными, ума не приложу! – откровенно заметила женщина, повернув золотой вентиль крана и оросив теплой водой свою подопечную. Затем она снова намылила Лару и снова воспользовалась скребком. На этот раз она, казалось, осталась довольна результатом и стала что-то тихонько напевать, наблюдая, как

чистая прозрачная вода льется по изгибам прекрасного женского тела. Затем она отвела Лару в бассейн с теплой водой и благовониями, чтобы та могла расслабиться.

Лара облокотилась на мраморные стенки бассейна и закрыла глаза. По старой привычке она подняла из воды одну руку и протянула ее другой служительнице ванной комнаты, которая должна была сделать ей маникюр. Когда та закончила работу с одной рукой, Лара протянула ей другую, вздыхая от удовольствия. Теплая душистая вода как будто обволакивала ее груди и плечи. Лепестки роз укрывали шелковыми лоскутками чуть масляную поверхность воды.

Подошла служанка с чашей. Она распустила волосы Лары и, пока фея блаженствовала лежа в бассейне, стала осторожно их мыть. Когда Лара наконец вышла из воды, ее тщательно обтерли чуть увлажненной тканью, затем укутали в теплое полотенце и сопроводили к креслу. Пока она сидела в нем, ей обработали ногти на ногах, высушили шелковым полотенцем волосы и расчесали их. Затем ее подвели к столу с мягкой обивкой, на котором ей сделали массаж с использованием пряных ароматических масел. Лара вздыхала от блаженства каждый раз, когда сильные умелые пальцы сжимали ее плоть, скользили по ее плечам, ногам, ее груди и животу. Наконец руки массажистки приблизились к ее холмику, ее нижним губам и проскользнули между бедер.

– Каждый из ваших любовников сегодня сможет ощутить, как тесно и упруго внутри вас, моя госпожа, – сказала она, нанося на пальцы специальный крем и погружая их в лоно Лары, массируя его. – Каждый, кто овладеет вами, получит сказочное наслаждение. Именно по этой причине принц Калиг попросил меня особым образом позаботиться о вас.

Лара улыбнулась самой себе. Да, сегодня она снова обретет спокойствие и чувство равновесия, слившись в одно с принцами-тенями после ужина, как когда-то, когда она была еще юной девой. Тогда это придало ей сил. Она с любопытством думала о том, что принесет ей такая близость сегодня. Лара осознала, что с нетерпением ждет этого, предвкушает в сладостном волнении. То, что Калиг позволил ей вновь пережить это, лишь сделало ее любовь к нему сильнее. Он понимал ее, как никто другой. Он даже смог подавить, преодолеть свою ревность ради того, чтобы она смогла восстановить в себе все то, что утратила за долгие годы пребывания в Тере. Он был необыкновенным мужчиной!

Лара поблагодарила массажистку и, поднявшись со стола, вернулась в свои покои, где Кади ждала ее, чтобы помочь одеться. Платье, приготовленное служанкой, было именно таким, о каком говорила Лара. Белое, сшитое из тончайшей паутинки, переливавшейся нежными цветами, оно словно парило вокруг нее, спускаясь до самых щиколоток, мягкий шелк ласкал ее кожу. Платье было без рукавов, обтягивающий лиф подчеркивал округлые, почти совершенные груди, вырез изящно обрамлял ключицу. Юбка была не слишком пышной, она изысканно и легко ниспадала, подчеркивая мягкие линии феи. На ней не было никаких драгоценностей, только золотая цепочка со звездой-кристаллом поблескивала на шее и тонкий золотой венец с изумрудом посередине сдерживал ее непокорные золотистые волосы.

Лара отмахнулась от золотых, украшенных драгоценными камнями сандалий, которые Кади протянула ей.

– Нет, они мне не понадобятся, – сказала она. – Мы готовы?

– Спасибо, что пригласили меня, – поблагодарила Кади.

Очаровательная служанка-фея была обнажена, и только изящная золотая цепочка опоясывала ее талию, чуть спускаясь на ее пышные бедра. Она окрасила свои соски пигментом умбры, и, кроме того, сегодня она позволила показаться своим маленьким радужным крыльям. Они были подарком королевы Илоны, ведь далеко не всем феям разрешалось иметь крылья.

Обе женщины направились через сад к главному коридору, обрамленному колоннадой. Лара не смогла удержаться и склонилась над балюстрадой, чтобы полюбоваться зеленой долиной внизу, по которой носились табуны лошадей, принадлежавших принцам-теням. Животные, как и всегда, были великолепны, и Лара сразу увидела среди них Даграса, окруженного

несколькими восхищенными им молодыми кобылами. Кади тоже увидела его, и, когда женщины посмотрели друг на друга, обе приснули от смеха.

Подошел Калиг, чтобы засвидетельствовать почтение своей прекрасной подруге и ее помощнице.

– Как чудесно вы обе выглядите, – сказал он, беря Лару за руку и жадно оглядывая ее своими небесно-голубыми глазами. – Вы составите честь моим братьям своим присутствием сегодня. – Он улыбнулся Кади:

– Я рад, что вы согласились присоединиться к нам.

Его братья с удовольствием будут предаваться блаженству с очаровательной феей, но Калиг не прикоснется к ней, ведь она помощница Лары.

– Благодарю, милорд, – ответила Кади.

Как только они вошли в большой банкетный зал, ее сразу окружили несколько принцев-теней, жаждущих провести вечер в ее компании. Этой ночью у нее не будет недостатка в любовниках.

Банкетный зал во дворце Калига был заполнен его прекрасными статными братьями. С некоторыми были пленительные спутницы. Лара узнавала многих из принцев-теней. В зале присутствовал ее наставник мастер меча Лотэр. Он кивнул ей, и по искорке в его голубых глазах она поняла, что будет и с ним сегодня ночью. Среди прочих она заметила принцев Эскиля, Насима, Койлина и Барама. Она поприветствовала их, учтиво склонив голову, когда Калиг вел ее к возвышению, на котором они должны были восседать среди других гостей.

Едва они расположились, принцы-тени поднялись с широких обеденных диванов и все вместе произнесли:

– Добро пожаловать домой, Лара! И останься же с нами навеки!

Их голоса сливались в один, сильный и звучный. Когда они вновь заняли свои места, Лара встала.

– Благодарю вас, господа! – ответила она.

А затем по воле одного лишь ее жеста над банкетным залом вдруг пролился дождь из благоухающих розовых лепестков и маленьких жемчужин. Спутницы принцев буквально закричали от восторга, ловя драгоценности, так что ни одна жемчужина не коснулась пола. Лара снова села и, взяв свой кубок, сделала небольшой глоток.

– Это было эффектно, – сказал Калиг, нежно целуя ее плечо.

Она повернулась к нему и прильнула к его губам в сладостном неторопливом поцелуе.

– Сегодня я счастлива так, как не была уже многие-многие годы, милорд. Я не понимала, как несчастна была, пока сегодня не проснулась и не осознала, что я здесь, а не во дворце доминуса. И что именно здесь я дома. В этот самый миг я почувствовала, что не хочу больше видеть ни Хетар, ни Теру, но я знаю, что это неосуществимо, Калиг. И все же сейчас я рада, что нахожусь здесь, в Шуннаре, и никто меня не потревожит.

Принц-тень нежно ласкал ее лицо.

– Да, здесь твой дом, любовь моя, но мы оба знаем, что твоя судьба не позволит остаться здесь навсегда. Пойми это и все же знай, теперь я буду с тобою повсюду, куда бы ты ни отправилась, Лара, прекрасная подруга дней моих. Никому более не разлучить нас.

Она поймала его ладонь, которой он гладил ее лицо, и поцеловала ее.

– Вы бы предпочли, чтобы я была сегодня сдержанна, мой господин? – спросила Лара и пытливым взглядом своих сказочно зеленых глаз попыталась прочесть правду на его лице.

Она любила его, и сейчас сделала бы все, чтобы доставить ему удовольствие.

– Да, я предпочел бы, но ты не можешь себе этого позволить. Тебе необходима та магическая сила, которую могут передать тебе мои братья со своей страстью. Но самое важное, ты не должна отвергать свою волшебную сущность, особенно теперь, когда очень скоро она понадобится тебе, – сказал Калиг.

Лара задумалась над тем, что он имел в виду, но прежде, чем успела спросить об этом, в зале появились слуги с подносами, полными сырых холодных устриц, которые и мужчины, и женщины принялись поглощать. Затем внесли томленную рыбу и моллюсков, которых каждый день с помощью волшебства доставляли с берегов Прибрежной провинции. Затем последовали блюда с жареным мясом и птицей, большие круглые тарелки с грудой тонких зеленых стеблей спаржи, чаши с красным, зеленым и лиловым салатом, свежим хлебом и разными сортами сыра.

Все ели с большим аппетитом. Повсюду слышался смех и веселые, остроумные разговоры. Когда с основными блюдами было покончено, слуги принесли корзины с зеленым и красным виноградом, ломтиками сладкой золотистой, зеленой и оранжевой дыни и сочными абрикосами, блюда, полные разных ягод красного и черного цвета, а также медовых пирожных. Кубки были наполнены темным сладким крепким вином.

Пока пары кормили друг друга восхитительными лакомствами, в зале появились грациозные гибкие танцовщицы в прозрачных шелках. Музыканты, сидевшие в углу комнаты, начали играть на своих барабанах и трубах, дудочках и литаврах. Перед возвышением, на котором расположились Калиг и Лара, до общих столов оставалось свободное пространство. Вокруг него стояли обеденные диваны и маленькие низкие столы. Танцовщицы выступали здесь, прямо перед ними, так, чтобы и всем остальным было видно. По окончании танца пришло время страстей. Посмотрев по сторонам, Лара увидела, что большинство гостей были уже обнажены или вот-вот собирались снять с себя все одежды.

Кади возлежала на диване в объятиях одного из принцев-теней, который в эти минуты ласкал ее пышные груди. Другие принцы-тени сидели на полу возле дивана. Один из них уже гладил изящную ножку Кади, а пальцы его все ближе и ближе подбирались к ее пухлому холмику. Другой ласкал ее пальцы языком, жадно втягивая их ртом. И, отдаваясь наслаждению в объятиях своих любовников, фея закрыла глаза.

Лара улыбнулась, взглянув на Калига.

– Думаю, Кади доставит удовольствие тем, кто жаждет ублажить ее, – сказала она.

Фея чуть повела плечами, и ее облачение исчезло. Она протянула к принцу руку и коснулась пальцем его груди, и на Калиге тоже не осталось одежды.

– Ты будешь моим первым и последним, – шепнула она ему.

В это время к ним присоединился принц Лотэр и в нетерпении склонился к губам Лары.

– Вы самая прекрасная фея из всех, что я когда-либо знал, – сказал он. – Я завидую брату Калигу, но ведь он по-настоящему любит вас. Я же испытываю вожделение каждый раз, когда вас вижу.

Лотэр одарил ее обворожительной улыбкой. Лара рассмеялась.

– Ты, как всегда, откровенен, Лотэр, – заметила она. – Наберись терпения, и мы предадимся удовольствиям вместе, но пока я не спешу, милорд. Вечер только начинается. У нас впереди еще много времени, не так ли? – ответила она ему с улыбкой.

– Р-р-р, коварная жестокая фея, вы намеренно дразните меня.

– Разве предвкушение запретного плода не делает его еще слаще? – поддразнила Лара.

– А вы неплохо подготовлены, – засмеялся Лотэр. – Что ж, тогда пойду и отведаю того дивного лакомства, что вы привели для нас сегодня.

Он поднялся и присоединился к тем принцам-теням, что окружали Кади.

Лара и Калиг с интересом наблюдали, как младшие принцы уступили место мастеру меча. Он проскользнул ближе к Кади, устроился подле нее на диване, заключил девушку в свои властные объятия и пленил долгим страстным поцелуем. Кади обвила руками шею Лотэра. Она интуитивно распознала в нем превосходного любовника и тайком наблюдала за ним с того самого момента, как только вошла в банкетный зал.

– Бог мой! Маленькая проказница, – усмехнулся Калиг, проникнув в мысли Кади.

– Не смей! – пригрозила Лара. – Позволь им насладиться друг другом, и пусть Лотэр будет уверен, что это он ее завоевывает.

Едва касаясь кожи, Калиг провел пальцем по ее изящной руке.

– Удалось ли мне завоевать тебя, любовь моя?

– В то самое мгновение, когда ты поцеловал меня, Калиг, – искренне ответила Лара. – А быть может, даже раньше. Как я была зла, когда ты выслал меня из Шуннара! Но сейчас, оглядываясь назад, я все понимаю. Мир гораздо шире и многограннее, чем только ты и я.

– Да, это так, но сейчас не время говорить об этом, – сказал Калиг.

– Когда же? – не унималась она.

– В будущем, когда ты отдохнешь и наберешься сил, – пообещал он. – Сейчас же я хочу целовать тебя.

И он склонил голову, чтобы прильнуть к ее возжеланным устам. У него закружилась голова от сладостного прикосновения ее губ, нежных, словно лепестки, к его губам. Время от времени расставаясь, они были любовниками уже более ста лет, и тем не менее он никогда не уставал от своей феи, ему не было с ней скучно никогда. И каждый раз всегда был первым. Он целовал ее, как тогда, когда они стояли в широком мраморном коридоре его дворца, и она рассказывала ему о себе и об Оге, великане, который сопровождал ее. В то самое мгновение он и влюбился в нее, и никогда больше не переставал любить. И вот теперь ему нужно было преодолеть свою ревность, чтобы она могла зарядиться энергией страсти его братьев, каждый из которых обладал своей неповторимой силой. Он целовал ее все более властно и нетерпеливо.

Она чувствовала, что Калиг не позволяет ей читать его мысли. В любых других обстоятельствах это насторожило бы Лару, но сейчас она подозревала, что знает этому причину. Он был одним из самых могущественных существ во Вселенной, и все же испытывал чувство зависти и несправедливости. Однако, в отличие от смертных, он мог владеть эмоциями, не идти у них на поводу.

«Займись со мной любовью, Калиг», – сказала Лара на безмолвном языке.

«Не ты ли говорила Лотэру, что предвкушение запретного плода лишь делает его слаще?» – поддразнил он ее.

«Для Лотэра – да, возможно, но не для нас с тобой, любовь моя. Можем ли мы с тобой когда-нибудь насытиться друг другом?»

– Нет, – прошептал он ей на ушко и лизнул мочку.

Он стал покрывать поцелуями ее лицо, шею и плечо.

Лара прижала его голову к своей груди. Он застонал, зарываясь лицом меж ее восхитительных округлостей. Он облизывал и дразнил кончиком языка ее соски. Он брал их губами, втягивал ртом, и в то же время его палец уже скользил у нее между ног, заставляя ее извиваться от возбуждения и удовольствия. Прикосновением руки она пыталась подсказать ему свои желания.

«Скажи, скажи, чего ты хочешь, моя прекрасная фея, любовь моя», – беззвучно вопрошал Калиг.

«Хочу, чтобы твой язык любил, ласкал меня», – ответила Лара.

Она почувствовала, как его теплый нежный язык медленно заскользил по животу. Она сладострастно вздохнула. Он спускался все ниже и ниже, пока язык не сменил его палец, что дразнил и распалял ее, лаская нижние уста. Он расположился между ее разведенных ног и стал наслаждаться видом, что открылся перед ним. Нежный возжеланный бутон ее лона, ее сокровище, казался совершенством. Калиг был заморожен, созерцая его, так изящно обрамленный розовыми лепестками ее плоти, которые теперь блестели влагой от возбуждения.

И тут Лара почувствовала, что еще один принц-тень взобрался на диван позади нее, обвил ее руками и накрыл ладонями ее грудь. Откинув голову назад, она увидела улыбающегося принца Насима и улыбнулась ему в ответ. Он искусно играл ее сосками, отчего по всему

телу феи пробежала дрожь желаний. Ее сокровище было во рту Калига, сначала он ласкал его языком, затем стал безудержно сосать, пока ее неумолимое желание в руках двух мужчин не воспыало ярким пламенем.

Калиг приподнялся так, чтобы она могла видеть из-под опущенных век его нефритовый стержень. Он был тверд, а вожделение в его глазах, лице, казалось, не имело предела. Еще двое принцев вдруг оказались рядом и уже держали ее ноги, стараясь поднять их выше, чтобы Калиг мог проникнуть как можно глубже. Как только он вошел, вонзился вглубь ее плоти, Лару вдруг охватили воспоминания о том, как в первый раз они вот так же предавались утехам на званом ужине.

– О да! – громко воскликнула Лара. – Да!

Калиг обладал ею долго, не сдерживая страсти и сил и наконец, заполнив ее своим соком, отстранился и сел на ковер у изголовья дивана. Лотэр незамедлительно занял его место, заполнив Лару своей плотью, издав протяжный стон, как только мышцы ее влагища сдавили его, заставляя излить в нее свой сок, и в это мгновение оба они закричали, достигая сладостного удовлетворения.

– Я хочу еще! – воскликнула Лара, когда он, целуя ее, стал неохотно подниматься.

Лотэр рассмеялся:

– Сегодня ночью мы дадим тебе все, чего ты хочешь, Лара, удовлетворим все твои желания. Я лишь немного отдохну и снова буду в твоём распоряжении.

Лара была опьянена переполюнявшими ее яркими ощущениями. Каждая клетка ее тела была объята страстью принцев-теней. Они сосали пальцы ее рук и ног, ее соски и трепещущее лоно. Они нежно заполняли каждое отверстие в ее теле, овладевая ею, то по одному, то вдвоем, в какой-то момент внутри нее оказались сразу трое. И все трое принцев излили свои соки одновременно, заставив Лару лишиться чувств.

Остаток вечера был похож на все прочие подобные вечера, словно сон, полный чувственных удовольствий и страстной нежности, и Лара буквально задыхалась от восторга и наслаждения. Принцы-тени щедро одарили ее, каждый своею страстью, воскресив ее дух и сделав ее сильнее, чем когда-либо она была за последние десятилетия. И наконец Калиг снова был в ее объятиях. Теперь они были только вдвоем на просторном обеденном диване и принадлежали только друг другу. Она ласкала его лицо и нежно целовала.

«Я люблю тебя», – неслышно произнесла она, когда он вновь заполнил собой ее тело, объединяя их в одно целое. – *Тебя одного, мой господин Калиг! Только тебя!* – Она заметила, как на мгновение его небесно-голубые глаза наполнились слезами, но он сдержал их. – *Только тебя»,* – повторила она и окончательно отдалась его воле.

Когда в утреннем небе поднялось солнце, обнаженные пары стали медленно просыпаться, вставать и постепенно расходиться по своим апартаментам. Лара и Калиг приняли ванну, после чего он присоединился к ней в ее постели, и они предались сладкому сну. Они успели позабыть о Кади, так как не видели ее почти до полудня. Когда они проснулись, служанка пришла известить, что в саду для них накрыт стол.

– Вам понравился пир? – спросил Кади Калиг, обнаженным поднимаясь с кровати. Он надел белый хлопковый халат с темно-синей вышивкой, который та протянула ему. – Подобное происходит нечасто, но твоей госпоже необходимо было восстановить силы, которые могут дать ей только мои братья и я.

– Это было чудесно, восхитительно, милорд! Я так благодарна, что вы позволили мне прийти! Королева Илона не раз рассказывала мне о ваших званых вечерах, но я даже не мечтала когда-нибудь принять в них участие, – ответила Кади.

– Мне кажется, ты заинтриговала моего брата Лотэра, – озорно заметил Калиг.

– Мастера меча? Должна сказать, он владеет своим личным оружием в совершенстве, – метко ответила Кади. – Очень надеюсь, что наши пути еще пересекутся.

Калиг рассмеялся.

– Подозреваю, что твое желание будет удовлетворено, Кади, – сказал он ей. Затем, повернувшись к постели, он осторожно потряс Лару за плечо. – Просыпайся, соня. Пора позавтракать. Даже фее недостаточно одной лишь волшебной силы.

Лара перевернулась и посмотрела на него.

– Тогда покорми меня.

– Если я это сделаю, то ты никогда не встанешь, а нам есть о чем поговорить, Лара, любовь моя, – сказал он.

Ее зеленые глаза сразу стали настороженными.

– Сегодня? – удивилась она. Он кивнул. – А невозможно разговор отложить на несколько дней, милорд? – допытывалась Лара.

– Нет, – твердо сказал Калиг.

Лара вздохнула и поднялась с постели. Взяв из рук Кади белый хлопковый халат с синей вышивкой, она надела его и устроилась на небольшой скамье, так чтобы Кади смогла расчесать ее длинные спутанные волосы. Когда служанка заплела косу, Лара присоединилась к принцу в саду, где их ждала чудесная трапеза из жареного каплуна, шафранового риса, салатов, йогуртов, фруктов, хлеба и сыра. Кади наполнила их резные серебряные чаши сладким абрикосовым нектаром и быстро исчезла.

– Сначала поешь, – сказал Калиг Ларе.

Он взял каплуна и разломил его пополам. Одну часть он положил себе, от другой стал отрезать кусочки для Лары, именно те, которые, как он знал, она любила больше всего. Лара наполнила их тарелки остальными яствами, и они молча приступили к трапезе. Наконец ее терпение иссякло – она не могла больше ждать, не зная, о чем он хотел поговорить. Почувствовав это, он сказал:

– Твой сын и его зло снова начали действовать, любовь моя.

Лара вздохнула.

– Колгрим восстановил свои войска? Он снова планирует выдвинуть армию против Хетара и Теры?

– Сформировать новую армию на деле оказалось невыполнимой задачей, – сказал Калиг.

– Отчего же? В нашем мире наверняка найдется немало темных существ, которые будут рады заработать за счет жажды власти Колгрима и земель, которые они обязуются завоевать для него, – ответила Лара. – Конечно, всегда есть вероятность погибнуть в одном из подобных рискованных предприятий, что так любят Повелители Сумерек...

– Темные Земли не могут обеспечить Колгрима войском, необходимым для завоевания Хетара и Теры. У них недостаточно женщин, чтобы произвести на свет и воспитать столько солдат. И если земли, которыми он так стремится завладеть, объединят свои силы с волшебным миром, у него не останется ни малейшего шанса на успех. Однако, Лара, ходят тревожные слухи, что Колгрим замышляет нечто подлое и бесчестное.

– А он не может поднять уже взрослых воинов на борьбу с нами? – спросила она.

– Он пытался сделать это еще в прошлом столетии. Тогда ему это не удалось, и теперь у него на уме что-то совсем иное. Но что именно, мы не знаем. Вот почему так важно было, чтобы ты покинула Теру и вернулась сюда, в Шуннар. Каковы бы ни были планы Колгрима, они представляют большую опасность. До сих пор Альфриг старался сдерживать его, но время старого гнома прошло. Без него, боюсь, отчаянная и беспощадная натура Колгрима проявится в полной мере, – сказал Ларе Калиг.

– Разве Альфриг не воспитал себе достойной смены? Последние несколько веков он очень хотел освободиться от бремени своих обязанностей, которые возложил на него Колл. Я дала его старческому телу новые силы, чтобы он смог быть наставником Колгрима еще доста-

точно долго и успел найти преемника и обучить его всему, чему необходимо. Это было моей наградой за его помощь, – обеспокоенно сказала Лара.

– Колгрим не отпустит его и тем более не захочет даже слышать о том, чтобы кто-то заменил Альфрига на его посту канцлера, – ответил Калиг. – Принц Койлин был в Темных Землях, он внимательно наблюдал за всем и слушал. Если Альфриг умрет, у нас будут большие сложности с Колгримом.

– Быть может, если я нанесу визит этому своему зловещему отпрыску, мне удастся выяснить, что он задумал, – медленно произнесла Лара. – Несомненно, он не заслуживает доверия, но ко мне он всегда относился неплохо.

Калиг усмехнулся:

– Да уж, он был просто заморожен тобой. Что весьма настораживает меня. Еще лет сто назад он понятия не имел, кто ты, но стоило ему увидеть тебя, и он сразу же ощутил какую-то связь с тобой.

Лара иронически хмыкнула.

– Он стремится одержать надо мной победу в игре, которую мы, представители магического мира, ведем друг с другом и со смертными. Если когда-нибудь ему это удастся, он сразу потеряет ко мне всякий интерес, Калиг. Он умен и интересен, но у него ледяное сердце, если оно вообще есть. Он такой же, как его отец. Им управляют скупость, алчность и жажда обладать всем, чем только можно. Но если ты чувствуешь, что он снова планирует дать о себе знать, то нам необходимо узнать, с какой целью, – заметила Лара. – Я должна отправиться во Тьму и выяснить все, что смогу.

Калиг знал, что не сможет запретить ей этого, а потому сказал:

– В таком случае я отправлюсь с тобой.

– Вы так боитесь за мою безопасность, милорд? – Она была удивлена его словами.

– Если Колгрим замышляет какое-то злодейство, любовь моя, то иметь тебя в своем распоряжении было бы для него большим преимуществом и лишь развязало бы ему руки в его порочности и беспощадности, – предположил Калиг. – А он вполне способен захватить тебя и удерживать в плену. Он не посмеет причинить тебе вред, так как ты подарила ему жизнь, а он не отступает от семейных канонов Повелителей Сумерек, которые запрещают проливать кровь тех, с кем связан семейными узами. Однако держать золотую птицу в золотой клетке не значит причинять ей вред. Вспомни, как ловко он обошелся со своим братом-близнецом Колбейном, заточив его в темницу вместе с Коллом.

– Я никогда не забуду этого, – призналась Лара. – Мне стыдно сознаваться, что я считала это очень умным ходом.

Калиг рассмеялся.

– Это так и было, – сказал он. – Но кроме того, это свидетельствует о безграничной жестокости Колгрима и о том, как он опасен. Если мы не сможем остановить его, он погрузит весь мир Хетара в глубокую и ужасающую Тьму, из которой, возможно, уже не будет обратного пути.

– Тогда мы просто обязаны остановить его, Калиг, – сказала Лара. – Однако сначала мы должны узнать, какое именно злодейство он готовит, и лишь потом принимать меры по его предотвращению.

– Давай для начала посмотрим, что сможет выяснить Койлин, – предложил Калиг.

– Хорошо, – согласилась Лара. – Но если он не узнает больше, чем уже знает, тогда в Темные Земли отправлюсь я сама.

Они решили, что дадут принцу-тени Койлину некоторое время на то, чтобы он попытался добыть информацию. Но по прошествии нескольких месяцев Койлин пришел к Калигу и Ларе и сообщил, что не смог ничего узнать. Что бы ни планировал Колгрим, он тщательно скрывает

это. Не исключено, что старик-канцлер, Альфриг, в курсе его дел, но он не из тех, кто склонен распространяться.

– Нет ничего, о чем стоило бы сообщить, – сказал Койлин. – Если только вас не интересует то, что говорят, будто Колгрим собирается жениться. Но этот слух постоянно появляется время от времени и ничего не значит.

Холодок пробежал по спине Лары.

– Сколько времени прошло с тех пор, как этот слух стал предметом всеобщего обсуждения?

Принц Койлин задумался.

– Не уверен, что я слышал об этом, когда в последний раз был там, – медленно начал он. – С тех пор минуло не одно десятилетие. Об этом поговаривали в сезон размножения, когда он избавился от Циарды, и, возможно, один или два сезона после. Впрочем, нет! Я не слышал об этом уже не один десяток лет, Лара. Может ли это что-то означать?

– Возможно, – ответила Лара. – Привозили ли в последнее время кого-нибудь нового, кого-то из мира Тьмы в Дом удовольствий Повелителей Сумерек?

Койлин отрицательно покачал головой.

– В действительности у него немного женщин. Многие жители Темных Земель стали прятать своих дочерей из-за того, что случилось после смерти Циарды.

– А что именно тогда случилось? – спросила Лара.

– Колгрим убил всех своих дочерей, их матерей и всех своих бесчисленных женщин, которые могли носить его детей или уже были беременны. Затем он наложил заклятие на всех оставшихся женщин, чтобы они не могли зачать ребенка от его семени и вечно оставались молодыми. Именно с ними он утоляет свою похоть, не рискуя зачать ребенка. Говорят, будто он сказал, что не хочет, чтобы когда-нибудь кто-то смог оспорить право его сына на наследство.

Лара угрюмо улыбнулась.

– Это наследие Циарды, – сказала она. – Если бы его единокровная сестра не попыталась захватить место своего брата, этого не случилось бы. Колгрим и вправду полноправный наследник Колла, раз смог так бессердечно и безжалостно расправиться со столькими невинными душами, чтобы только защитить своего сына, который еще даже не зачат и имя матери которого еще неизвестно.

– Все это в прошлом, – сказал Калиг. – Мы же должны думать о настоящем и заботиться о будущем.

– Нам необходимо знать, если Колгрим действительно задумался о женитьбе. Книга Правления уже велела ему искать невесту? Или, быть может, указала на конкретную кандидатуру? Мы должны найти ответы на эти вопросы, прежде чем продвинемся вперед или хотя бы решим это сделать, – сказала Лара. Сегодня она чувствовала в себе больше силы. Больше, чем когда-либо за многие годы. Принцы-тени, щедро разделяя с ней удовольствие и страсть, надели ее и частью своей энергии. Лара знала, что им это далось нелегко. – Когда-то я думала, – сказала она Калигу, – что мое предназначение в том, чтобы объединить цивилизации Хетара. Теперь я знаю, что мне предначертано спасти их. Но хватит ли мне сил?

– Только время ответит на этот вопрос, любовь моя, – отозвался принц-тень.

Глава 4

– Мне скучно, – нарочито вздохнув, сказала Марцина, младшая дочь Лары.

Это была прекрасная юная фея, с прямыми длинными черными волосами и глазами фиалкового цвета. Сидя у небольшого озера, она расчесывала свои шелковые локоны перламутровым гребнем.

– Как тебе может быть скучно? – не могла понять Илона, королева лесных фей и бабушка Марцины. – Ведь в лесу столько разных занятий. Что, например, стало с твоим возлюбленным? – Илона сидела на искусно сотканном ковре, расстеленном на земле. – Он был неплохо сложен для смертного. У тебя отличный вкус, девочка моя.

– Я ему отказала, – ответила Марцина. – Он начал становиться таким же скучным, как вся моя жизнь здесь, бабушка. Возможно, мне стоит отправиться домой, в Теру, и навестить маму. Мне нравится наблюдать, как огорчается и волнуется доминус, когда мы обе оказываемся у него при дворе. Я знаю, о чем он думает. Он отказывается признавать существование магии и полагает, что мы обе давно уже должны быть мертвы. Однако чрезвычайно сложно отрицать что-то, что видишь прямо перед собой.

И она озорно рассмеялась. Илона тоже засмеялась, но потом рассказала:

– Твоя мать наконец покинула Теру. Стоило ей уйти, как доминус, ее правнук Кадарн, начал разбирать юго-западную башню замка, в которой она жила. Я полагаю, он уверен, что если разрушит ее дом, то она уже не сможет вернуться. Но он никогда не уничтожит этой башни, так как каждую ночь после того, как его рабочие покидают башню, я восстанавливаю ее с помощью магии. – Илона усмехнулась. – Это начинает пугать жителей Теры, а потому тревожит Кадарна. Он даже пытался взорвать эту башню. Но в конце концов он просто сдастся. Он может выкинуть Лару из своей головы, но ему не под силу избавиться от свидетельств ее пребывания в Тере.

– Я полагаю, мама отправилась в Шуннар, – как бы невзначай высказалась Марцина. – Она всегда сбегает к Калигу, когда ее силы на исходе.

– Твоя мать совершила великие деяния ради Хетара и Теры, – спокойно отозвалась Илона. – Не злись на Лару, ведь Калиг любит ее. Любит с того самого момента, когда впервые увидел. Твоя мама и Калиг предначертаны друг другу судьбой, Марцина. Так было всегда, но твоей матери нужно было пройти определенный путь, и она это сделала.

– С тех пор как Калиг попытался совратить меня, мама уже не была со мной так добра, как прежде. Бабушка, она обвинила во всем меня! – обиженно воскликнула молодая фея.

Несмотря на то что прожила уже более ста лет, она выглядела не старше шестнадцатилетней девочки.

– Марцина, Марцина, – спокойно, но сурово проговорила Илона. – Калиг не пытался совратить тебя. Это были твои откровенные и весьма вызывающие старания соблазнить его. Причем, надо сказать, старания эти он отверг. А когда твоя мать узнала об этом, то вполне справедливо была рассержена на тебя. Это был очень низкий и гадкий поступок.

Однако, говоря это, Илона не могла скрыть улыбки. И все же ее беспокоило, что Марцина так легко переиначивает правду, оборачивая ее в свою пользу.

– Когда-то ты и Калиг были любовниками, – вдруг сказала Марцина.

– Кто сказал тебе такое? – удивилась Илона.

– Никто не говорил, бабушка. Но я знаю, что это правда. Калиг живет уже много веков, так же как и ты. А вы с мамой очень похожи. Калиг не мог обладать тобой, так как тебе было предначертано стать наследницей королевы Мивы, вот он и взял себе маму вместо тебя.

– Милая моя девочка, – сказала Илона. – Не знаю, как ты могла насочинять такую историю, но умоляю, выбрось ее из головы, ибо все совсем не так. Мы с Калигом всегда были дру-

зьями, но любовниками – никогда. Впрочем, не стану отрицать, что всегда считала его созданием весьма привлекательным. Но, как ты верно подметила, я была рождена, чтобы сменить на престоле свою мать. Калигу же предназначено быть по жизни спутником Лары. Их судьбы переплетены, и этот союз был неизбежен. Твоя мать любит Калига так, как никогда никого не любила.

– Даже моего отца?! – возмутилась Марцина.

– Она любила Магнуса Хаука как смертного, так же как до этого любила Вартана, главу клана Фиакр. А Калиг принадлежит к магическому миру, так же как и она сама. Их страсть волшебна, и она совсем иная, она несравнима с той страстью, которое волшебное существо может питать к смертному.

– А я никогда не любила, – вздохнула Марцина.

– Я знаю, – ответила ее бабушка.

– Но почему?! – вознегодовала Марцина.

Илона тихонько засмеялась.

– Ты просто еще не встретила того самого, – сказала она. – Нет, ты, конечно, предавалась удовольствиям и со смертными, и с волшебными созданиями, но ни один из них не был тем единственным. Как только он появится в твоей жизни, Марцина, ты непременно узнаешь об этом, обещаю тебе.

– А твой муж, Танос, был тем единственным? – откровенно расспрашивала Марцина.

– Танос? Бог мой, нет, конечно, девочка моя. Танос стал моим мужем, так как мне нужно было продолжить наш род. У нас очень мало общего, хотя должна признать, он замечательный мужчина-фея, он не создает для меня никаких сложностей и не распускает грязных слухов.

– Кто же был этим единственным для тебя, бабушка? – настаивала Марцина.

– Я даже не уверена, что был в моей жизни кто-то особенный, милая, – медленно произнесла Илона. – Но если бы мне пришлось выбирать, то это был бы Джон Быстрый Меч, который подарил мне твою мать. Он был красивым, чудесным юношей. И он, без сомнения, любил меня, но ему судьбою было велено служить Хетару, мне – Лесному королевству.

– Что, если я никогда не найду своего единственного, бабушка?

Илона пожала плечами:

– Не так уж важно, встретишь ты его или нет, моя девочка. С кем-то ты же разделяешь удовольствия, и это уже неплохо. Любовь, между прочим, все очень усложняет, Марцина. Один из пары влюбленных должен быть совершенно лишен эгоизма, должен быть готов пожертвовать собой ради другого. Не думаю, что я когда-либо была способна на такое. Я эгоистична и не стыжусь этого. И мне не нужно мужчин, чтобы преуспеть в жизни. Женщина не должна зависеть от мужчины. Твоя мать и Калиг уникальны. Их любовь принесет великие плоды, Марцина. Не завидуй им. Гораздо лучше быть свободной и счастливой, чем несчастной и связанной отношениями, которые тебе не нужны, моя девочка. Ты должна и дальше оставаться созданием независимым. Мужчины нужны лишь для удовольствий, или если ты хочешь ребенка. Никакой прочей необходимости в них нет.

– Не думаю, что я хочу детей, – покачала головой Марцина. – В своих отпрысках нужно вкладывать слишком много сил и времени и саму себя. Да, бабушка, я так же, как и ты, эгоистка.

Илона погладила внучку по ее шелковым волосам:

– Ты фея, моя милая девочка. Ты настоящая фея.

Да, она была настоящей, чистокровной феей, хотя не должна была быть, как думала сама Марцина. Ведь ее отец смертный. Впрочем, возможно, Марцина была единственной, кто унаследовал магические способности своей матери, так как ни ее брат-двойняшка Тадж, ни сестры Ануш и Загири не обладали ими. «И их давно уже нет в живых. Порой даже кажется, будто их вовсе не существовало», – подумала Марцина и ощутила острую и горькую печаль. Безусловно,

ее старший брат, Диллон, король Бельмаира, будучи сыном Калига, был чистокровным магическим созданием. И он был жив. Калиг. Какой безумной страстью она тогда воспылала к нему и, говоря откровенно, по-прежнему ее испытывала. В ее живом воображении ни один любовник, смертный или из магического мира, не мог даже сравниться с Калигом. Однако он ясно дал ей понять, что не хочет от нее ничего подобного и что не проведет с ней даже одной ночи, полной сладострастных утех. Его отказ безмерно ранил ее гордость. Когда она впервые подошла к нему со своим желанием, он мягко отказал ей, но она настаивала – с болью вспоминала Марцину, сгорая от гнева, – настаивала до тех пор, пока он в конце концов не выдержал, взял ее за руку и привел к своим братьям со словами: «Эта шлюха жаждет, чтоб ею овладели. Остудите ее чрезмерный пыл».

Далее последовала такая ночь, какой Марцина не знала ни до, ни после этого. Принцытени в полной мере оправдали свою репутацию великолепных любовников. Она испытала наслаждение, прежде неизвестное ей, и ее похоть была удовлетворена. Но, отведав такой страсти, Марцина так и не перестала думать о том, какое же блаженство, должно быть, может доставить Калиг. Она так и не узнала, кто сообщил ее матери о том, что она пыталась соблазнить Калига, но Лара отправила дочь в леса Хетара и жестоко отчитала за такое поведение.

– То, что ты, моя дочь, предала меня, – это ужасно, но то, что ты скомпрометировала Калига, который был так добр к тебе, – это непростительно!

– Но это он пытался сблизиться со мной! – солгала Марцина.

Она испугалась того, как мать смотрела на нее.

– Лгунья! – выкрикнула Лара и продолжила говорить на безмолвном языке: *«Ты думаешь, я не знаю Калига, Марцина? Думаешь, я поверю в это жалкое вранье? Неужели ты так ничему и не научилась ни у меня, ни у своего отца? Магнус Хаук был самым благородным из смертных. А я вела себя когда-нибудь столь бесчестно? Тебе должно быть стыдно, дочь моя!»* Эти слова, произнесенные на безмолвном магическом языке, ранили гораздо сильнее, чем если бы Лара сказала их вслух.

Но что-то не позволило Марцине попросить прощения у матери. Вместо этого она надменно посмотрела на Лару и сказала:

– Ты можешь думать что хочешь, мама. Но я знаю правду о том, что случилось.

Почему она не смогла признать своей вины и попросить у матери прощения, Марцина не понимала до сих пор. И все же она не смогла это сделать.

И до сих пор она видела ту ярость и презрение в небесно-голубых глазах Калига, когда он вел ее к своим братьям. Вне всякого сомнения, она получила немалое удовольствие с ними, и все же было бы лучше, если бы он побил ее и изгнал из Шуннара. Так она бы уже никогда туда не вернулась. Марцина завидовала тому, как беззаветно и преданно Калиг любит Лару. То, что связывает их, выходит за рамки одной только магии.

– Как давно ты в последний раз виделась с матерью? – спросила Илона, прерывая мысли девушки.

Марцина пожала плечами:

– Несколько лет назад, бабушка. На церемонии прощания с Таджем. Мне было нелегко поверить, что тот старик в гробу – мой брат-двойняшка. Впрочем, он оставался привлекательным мужчиной, как и наш отец.

– Отправляйся к своей матери, девочка моя, вы должны увидеться, – велела Илона внучке. – Усмири свою гордыню. Попроси у Лары прощения. У нее большое и доброе сердце, она простит тебя. Она тебя любит.

– Боюсь, Калиг уже никогда не сможет мне верить, – сказала Марцина. – И должна признаться, бабушка, что я по-прежнему нахожу его пленительным.

– Но ведь ты уже смирилась с тем, что он никогда не будет твоим, милая?

Марцина кивнула, искренне – в ней не было ни тени лжи и коварства.

– Я знаю, он принадлежит маме, – с горечью вздохнула она.

Илона улыбнулась.

– Тяжело признать, что тот, кому готова отдать свое сердце, любит другую. Но ты еще молода и переживешь это. А теперь отправляйся к Ларе.

– Мне надо подумать об этом, – дернула плечом Марцина и исчезла, оставив перламутровый гребень в глубоком бархатном мху сочного темно-зеленого цвета.

Илона нетерпеливым жестом отбросила назад свои серебристо-золотые волосы. Этот разрыв между ее дочерью и внучкой, подобный глубокой ране, необходимо было исцелить. Что-то непременно должно было произойти и перемениться. Она это чувствовала. И подданные ее волшебного королевства чувствовали это. И сам лес предвосхищал перемены. Недавно она встречалась с правителями других магических миров – Аннаном, королем водных фей; Ласло, королем горных фей, и Гвенер, королевой луговых фей. Все они также предчувствовали, что надвигается нечто судьбоносное. Но никто из них не представлял, что именно.

– Хм-м, – протянула Илона и, шелкнув пальцами, в мгновение ока появилась перед своей дочерью и Калигом, которые безмятежно сумерничали в главном саду Шуннара.

Заметив пурпурный дымок, что всегда предвосхищал появление матери, Лара встала и пошла ему навстречу.

– Мама! Как я рада видеть тебя, – поприветствовала Лара.

– Вы должны помириться с Марциной, – напрямую начала Илона.

– Добрый вечер, Илона. Пожалуйста, присаживайся, присоединяйся к нам, – сказал Калиг, помогая королеве фей устроиться в удобном кресле.

Взяв возникшую прямо в воздухе чашку ягодного напитка, он подал ее Илоне.

– Калиг, – довольным голосом заговорила она. – Ты всегда так гостеприимен. А теперь скажи Ларе, что она должна снова сблизиться с Марциной. – Илона сделала глоток из серебряной чаши.

– Лара сама принимает решения, Илона, и ты это прекрасно знаешь. Что же такого замечательного сделала Марцина, что ты настаиваешь на их примирении с матерью? – откровенно спросил Калиг.

– Ничего экстраординарного, – ответила Илона. – Но я чувствую, что должно произойти нечто. Нечто чрезвычайно важное. Что-то, ради чего мы все должны будем объединиться. Несмотря на происхождение Марцины по отцу, я хочу, чтобы она осталась на стороне Света, – сказала она Калигу.

– Значит, ты тоже чувствуешь это, – тихо произнес Калиг.

– Мы все чувствуем – на равнинах, в горах и в воде. Это ощущение очень явно, почти осязаемо, но никто не может определить, что именно оно означает.

– Это Колгрим, – вмешалась Лара. – Он планирует выбрать себе невесту и произвести на свет наследника.

– Что?! – Илона была в изумлении. – Я была уверена, он сделал это уже в Темных Землях со своей сестрой Циардой.

– Он пытался на протяжении трех брачных циклов, но она не оправдала его ожиданий. Он убил ее, мама, – сказала Лара.

И поведала ей обо всех остальных убийствах, что Колгрим совершил вслед за этим. Илона была в ужасе.

– В своих злодействах он превосходит даже отца, – отметила она. – Но кто же та невеста, которую он собирается взять в жены? И где она?

– Пока мы ничего не знаем, мама. Мы стараемся узнать все, что только возможно. Один из принцев-теней несколько месяцев наблюдал за происходящим, но так и не смог выяснить ничего, кроме того, что было нам уже известно, – рассказывала Лара. – Мы с Калигом сами должны отправиться в Темные Земли, чтобы выяснить, кто эта несчастная девушка. И

конечно, постараемся предотвратить этот союз. Чем дольше мы сможем удерживать Колгрима от женитьбы, тем лучше.

– Безусловно. – Илона кивнула. – Тебе нельзя позволить своему темному сыну найти жену и зачать наследника, но прежде ты должна вернуть Марцину в свое сердце, Лара. Ты нужна ей.

– Тогда пусть она придет ко мне и попросит прощения за свою ложь. Ни в чем другом я более не стану винить ее, ведь она от природы была вспыльчива, но той страшной лжи я не смогу простить ей, если она сама не попросит об этом. Ведь и ты не простила бы такого, мама. Что, если бы Марцина попыталась соблазнить Таноса, а затем сказала бы, что все было совсем наоборот?

– Соблазнить Таноса? – Илона не сдержалась и залилась звенящим смехом. – Я бы ни за что не поверила в это, Лара.

– Вот и я не поверила, что Калиг пытался совратить Марцину. – Лара стояла на своем. – Но, мама, неужели подобная ложь не разозлила бы тебя?

Смех Илоны стих, и она сказала:

– Да, конечно. Очернить Таноса, который всегда был очень добр к Марцине, было бы ужасно, Лара, так же как и ее ложное обвинение в адрес Калига. Я хорошо понимаю твой гнев, но ты должна простить дочь. Лара, если Силы Тьмы снова восстанут, мы ведь не хотим, чтобы они заманили Марцину на свою сторону. А учитывая, кто ее настоящий отец, вероятность этого велика. Мы приложили немало усилий, чтобы сделать Марцину сильной, верной и доброй, и все же в ней остается это опасное, разрушительное безрассудство, которое она непременно должна научиться контролировать.

Внезапно Калиг вытянул руку, казалось в пустое пространство. Его пальцы почти полностью сомкнулись, и резким движением он из ниоткуда втащил Марцину, которая оказалась теперь между ними.

– Кажется, у нас тут шпион, – произнес он. У него был суровый и очень озабоченный вид. – Как давно ты подслушиваешь, Марцина?

Обычно бледное лицо Марцины теперь стало совершенно бесцветным. Она посмотрела на бабушку:

– Бабушка, что значит «учитывая, кто ее настоящий отец»? – Ее молодой звонкий голос дрожал, а фиалковые глаза были полны страха.

Лара протянула руку и буквально вцепилась в предплечье Калига. Ее пальцы судорожно впились в его мускулы. Илона издала какой-то неопределенный звук – не то всхлипнула, не то жалобно простонала. Ее взгляд отчаянно метался в поисках спасительных глаз Лары.

– Моим отцом был Магнус Хаук, не так ли? – В юном голосе Марцины чувствовалось страдание.

Лара сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Отпустив руку Калига, она подошла к своей младшей дочери и заключила ее в нежные объятия.

– Ты ведь знаешь, как я люблю тебя, мое невыносимое дитя? – сказала она и провела рукой по ее темным волосам. – Даже когда ты совершаешь глупые, бездумные поступки и бесстыдно лжешь мне, я все равно люблю тебя.

Марцина посмотрела на мать. Тепло ее рук, ее объятий успокаивало, и в эти мгновения она почувствовала себя такой защищенной, какой не была уже десятки лет.

– Ах, мама, прости меня. Калиг даже не приближался ко мне. Это я желала, а когда он отказал мне, я была в ярости. Я не хотела лгать, но я восхищаюсь им всю свою жизнь.

– Я знаю, – тихо сказала Лара. – Я прощаю твою жестокую ошибку, моя родная. – Она нежно поцеловала Марцину в макушку.

– Но, мама, о чем говорила бабушка? Моим отцом был Магнус Хаук, ведь так? – Марцина смотрела на Лару с нетерпением и неумолимым вопросом во взгляде.

У Лары не оставалось выхода, она должна была поведать Марцине тайну, которую хранила так много лет.

– Вы с Таджем родились в один день, – начала Лара. – И все поверили, что вы родные двойняшки. И Магнус Хаук тоже поверил, что ты его ребенок, так же как и твой брат. Но он не был твоим отцом, Марцина. Вскоре после того, как был зачат Тадж, на равнине снов меня изнасиловал Колл, Повелитель Сумерек. Ты его дочь.

– Нет! – вскрикнула Марцина.

Ее взгляд заметался между Илоной и Калигом, в надежде, что кто-то из них опровергнет это, но они молчали.

– Есть еще кое-что, – добавила Лара, – и ты должна знать это. Когда-то давно, когда я проводила лето в Новом Дальном Земье среди кланов, Колл, Повелитель Сумерек, похитил меня и стер мою память. Он считал, что я его избранная жена. Он зачал мне сына. У Повелителей Сумерек может быть только один наследник, хотя при этом они могут иметь много дочерей. Калиг помог восстановить мою память и рассказал мне, что все это было спланировано, чтобы я родила Коллу сына, который в будущем посеет хаос в Темных Землях. С помощью магии, которую мне вернули, я сделала так, что детей стало двое. Рождение Колгрима и Колбейна внесло анархию в Темные Земли. После я вернулась к своей настоящей жизни. Воспоминания о тех месяцах, что я провела там, были стерты из памяти всех нас, ради нашей же безопасности. Но Колл стал являться мне в снах, пытаясь вернуть меня. В конце концов Калиг был вынужден поведать мне о том, что произошло, и вернуть мои воспоминания о времени, проведенном в Темных Землях, чтобы я могла защитить себя, так как Колл угрожал, что расскажет обо всем Магнусу. Однако я сделала это первой.

– Что же сделал отец... то есть доминус, когда ты рассказала ему? – спросила Марцина.

Она казалась такой уязвленной, ослабленной и сломленной!

– Он был в ярости. Его гордость была растоптана. Он проклинал меня и Калига. В какой-то момент твоя бабушка уже грозила превратить его в камень, так он разозлил ее. Но вскоре его гнев и боль утихли, ведь твой отец любил меня.

– Не называй его моим отцом! – воскликнула Марцина. – Он не был моим отцом! Моим отцом был монстр, изверг, который силой, против твоей воли зачал меня! – И она отчаянно и горько зарыдала.

Лара обняла свою младшую дочь, крепко прижав к себе.

– Магнус Хаук так и не узнал правды о твоём появлении, моя милая. Он считал себя твоим отцом, и он был им. Твоим единственным и настоящим отцом.

– Значит, я родная сестра Повелителя Сумерек, – медленно произнесла Марцина и внезапно вспомнила, как давным-давно она впервые отправилась жить в леса, к бабушке королевских кровей.

Тогда она только научилась перемещаться из одного места в другое с помощью магии и, будучи в восторге от новых возможностей, появилась в покоях Лары, чем очень ее удивила. Марцина застала мать за разговором с двумя молодыми людьми, но Лара в тот же миг, почти без объяснений, волшебным образом скрыла их.

– В тот раз, когда я впервые переместилась с помощью волшебства... – начала Марцина.

– Да, я помню, – кивнула Лара.

– Я успела бросить лишь взгляд на тех двух молодых людей, что были с тобой. Их лица были одинаковы, но один из них был темный, а другой светлый. – Марцина перебирала воспоминания. – Кто из них стал Повелителем Сумерек, мама?

– Колгрим, тот, что с золотистыми волосами, – ответила Лара.

– Что же случилось с другим, темноволосым? – не унималась Марцина.

– Колгрим заточил его в темницу вместе с их отцом, в камеру, созданную принцами-тенями, – рассказывала Лара. – Никто из них уже никогда не будет свободен.

Холод и ужас сковали Марцину. По щекам ее струились слезы, но она словно не замечала их. За эти несколько минут весь ее привычный мир вдруг изменился до неузнаваемости.

– Так вот почему я чистокровное магическое создание, в отличие от Ануш, Загири и Таджа, – задумчиво подвела итог Марцина.

– Да, поэтому, – сказала Лара, продолжая гладить ее длинные черные волосы.

– В моей душе есть место и Свету и Тьме, – заметила Марцина. – И необходимо сохранять меж ними равновесие. Ведь так, мама? – Она смотрела Ларе прямо в глаза.

– Хочется надеяться, Марцина, что Свет возьмет верх над темным началом в тебе, так как в грядущей битве нам будет нужна твоя помощь, – сказала Лара.

Марцина долго молчала, но наконец заговорила:

– Теперь я понимаю, почему время от времени я совершаю столь безрассудные и низкие поступки.

– Никто не совершенен, – ответила Лара. – Даже в магическом мире. Всегда и во всем должно быть равновесие.

– Как же ты можешь любить меня?! – в порыве спросила Марцина. – Ведь он взял тебя силой!

– Да, это правда, что ты не была плодом любви, – откровенно сказала Лара младшей дочери, – но, как только я увидела тебя, с самой первой секунды я полюбила тебя, Марцина. И Магнус искренне любил тебя. Всю свою жизнь ты была окружена любовью, и именно она делает тебя сильной и будет придавать тебе сил всегда.

– Но если бы отец, то есть доминус, узнал бы правду, мама, стал бы он любить меня? Если бы он знал, что мой биологический отец был воплощением зла, смог бы он тогда любить меня?

– Конечно! – без малейшего колебания ответила Лара. – Он любил бы тебя, несмотря ни на что. Я знаю это совершенно точно. У Магнуса было большое и щедрое сердце, что отличало его от прочих смертных.

Теперь заговорила королева лесных фей:

– Что ж, Марцина, теперь ты знаешь, каковы последствия нечестного вмешательства и что может быть, если подслушивать чужие разговоры. Я надеюсь, ты усвоила урок. Многие годы мы изо всех сил старались уберечь тебя, и что же, лучше ли тебе сейчас, когда ты узнала все это?

– Теперь я чувствую горечь и печаль, но в то же время я стала мудрее, – ответила Марцина. – Я буду трудиться и прилагать все усилия, чтобы преодолеть наследие Сил Тьмы в себе.

Лара обняла юную фею:

– В тебе гораздо больше светлого, нежели темного, злого. Но послушай, Марцина, Колгрим не знает правды о твоём происхождении. Если он обнаружит истину, он попытается перетянуть тебя на свою сторону. Он чрезвычайно обворожителен и обладает даром убеждения. Но он гораздо коварнее и более жесток, чем даже его отец. Будь осторожна.

– Надеюсь, она прислушается к тебе, так как меня не слушалась никогда, – с раздражением добавила Илона.

Лара бросила красноречивый, пылкий взгляд на мать, и королева лесных фей громко рассмеялась.

– Это совсем не смешно, мама, – отреагировала Лара.

– Ах, ты не права, моя дорогая. Ты в конце концов довела до совершенства этот присущий только мне взгляд, полный порицания и праведного негодования. У тебя отлично получилось, Лара.

Теперь тихонько засмеялась Марцина, Калиг тоже начал ухмыляться. Улыбнулась и Лара, поняв всю иронию слов своей матери. На данный момент худшее было позади. Теперь Марцина знала страшную тайну своего рождения, но Лара не сомневалась, что неизменная поддержка и любовь помогут ей оправиться и обрести новые силы. Голос Калига прервал ее мысли.

– Марцина, твоя мать и я хотим, чтобы отныне твой дом был с нами, – сказал он.

– Но я лесная фея, – начала было Марцина и осеклась. – Впрочем, боюсь, что я уже не знаю, к кому принадлежу, – призналась она.

– Ты принадлежишь к роду своей матери, – сказал ей Калиг. – Ты часть светлого мира и солнца нашей пустыни.

– Мне нужно обдумать все это в одиночестве, – искренне сказала Марцина.

Илону обеспокоили слова внучки. Марцина пережила большое потрясение, и ей действительно требовалось время, чтобы привыкнуть к новой реальности.

– Я знаю одно превосходное место, – улыбаясь, сказала Лара.

– Ей лучше вернуться в леса вместе со мной, – возразила Илона.

– Нет, ей лучше воспользоваться всеми преимуществами моего заветного, особенного места.

Лара взглянула на Калига, который улыбнулся и кивнул ей.

– Да, это то, что нужно, – согласился он.

– Что это за место, мама?

– Это Зирун.

– Тот уединенный оазис? – удивилась Илона. – Там такой зной! Нет, чтобы воспрянуть духом, Марцине нужна прохлада густых зеленых лесов!

– Я думаю, решать ей самой, – сказал Калиг.

Его глаза встретились с глазами Лары, и она едва заметно кивнула. Тогда Калиг взял Марцину за руку, и они исчезли.

Илона с раздражением топнула ногой.

– Как мог Калиг сделать такое! Ты уверена, что Марцине можно доверить остаться с ним наедине? – Она была зла. – Раз мое присутствие, очевидно, никому здесь не нужно, тогда я отправляюсь домой.

И королева лесных фей испарилась в облаке пурпурного тумана.

Лара засмеялась, но в ее смехе была нотка печали. Как это было похоже на ее мать – непременно сказать что-то колкое и обидное, если ей не удалось сделать по-своему. В отличие от своей бабушки Марцина редко совершала одну и ту же ошибку дважды. Лара откинулась на кушетке и стала наблюдать, как восходят луны в небесах Хетара. Вокруг нее умиротворяюще пели ночные птицы, и в теплом воздухе благоухали ночные цветы. Она почувствовала возвращение Калига еще до того, как он появился и сел рядом с ней на кушетке.

– Ей понравилось, и она пробудет там несколько дней, – сказал он и нежно поцеловал обнаженное плечо Лары. – Особым заклинанием я сделал так, что никто не сможет найти оазис, пока она там.

Вдруг Лара тихо заплакала.

– Калиг, я хотела, чтобы она никогда не узнала об этом. Я не хотела, чтобы она узнала о Колле и о своих братьях. А теперь мне страшно, ведь раз узнала она, то Колгрим тем более сможет выяснить правду.

– Колгрим будет слишком занят поиском невесты и тем, чтобы она непременно родила ему сына, – сказал Калиг.

– Мы ничего не узнаем, пока сами не отправимся в Темные Земли, – ответила Лара. – Все, что, как нам кажется, мы знаем, на самом деле лишь догадки, писанные вилами по воде. Завтра мы должны быть там, Калиг. Кроме того, есть только один способ выяснить то, что нам нужно. Я должна сама спросить об этом своего сына.

– Но он солжет тебе, – заверил ее Калиг.

– Да, возможно, – согласилась Лара. – Однако он унаследовал от отца самолюбие и гордость. Он не сможет отказать себе в удовольствии похвастать передо мной своим недюжинным умом и талантом. Если я спрошу, то в его рассказе будет хотя бы доля правды. Остальное нам

придется разведывать самим. Я знаю, ты хотел пойти со мной, Калиг, но, если ты решишься на это, тебе придется оставаться невидимым. Колгрим не станет говорить так же свободно при тебе, как говорил бы со мной наедине. К тому же ты ведь знаешь, Повелители Сумерек не способны чувствовать присутствие принцев-теней, так что он не заметит тебя.

– Чудесно, любовь моя, – сказал Калиг. – Мы не узнаем всего, но те немногие сведения, что нам удастся получить, помогут нам вывести остальное.

Они заснули вместе, на откидной кушетке, в саду, а когда проснулись, Лара вышла во дворец Калига на балкон с видом на восходящее солнце. Сняв с себя свободное платье, она встала, разведя руки в стороны, развернув ладони к небесам, и стала принимать солнечные ванны, которыми услаждал ее великий золотой небесный шар. Его лучи стремились к ней, наполняя силой. Свет проникал в нее, пронизывал ее плоть, и вот фея уже сама его излучает, а после она сможет призвать его на помощь, когда ей понадобится защита. Когда солнце полностью поднялось над горизонтом, Лара покинула балкон и отправилась искупаться. Потом Кади одела ее в прекрасный белый халат с длинными пышными рукавами и закругленным вырезом. Служанка повязала золотой пояс на талии Лары и надела на ее изящные ножки золотые сандалии. Расчесывая длинные, словно золоченые волосы хозяйки, она аккуратно вплела в них тонкие золотые нити, так что волосы заблестели еще ярче обычного.

Как только Лара была готова, они с Калигом стали завтракать. Он тоже успел принять ванну и теперь был одет во все белое. Его небесно-голубые глаза сияли, выделяясь на фоне смуглой кожи, когда он кормил Лару кусочками сочной дыни, а она, смеясь, соблазнительно облизывала его пальцы. Он остановился и покачал головой, будто осуждая.

– Любовь моя, нас ждет важное дело, и оно прежде всего, – сказал он. – Прошу, не отвлекай меня.

– Тогда перестань кормить меня с рук, словно любимую зверюшку, – парировала Лара, намазывая масло на ломтик свежего теплого хлеба и аппетитно откусывая его.

– Ты права, моя фея, но я не могу устоять перед тобой.

– Я знаю, – ответила Лара, обольстительно улыбаясь. В глазах ее сиял озорной огонек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.